

A photograph of two halves of an avocado on a bright red plate. The avocado is cut lengthwise, showing the green flesh and the brown pit. The plate is set against a white background with a red patterned cloth visible in the top left corner.

**Увидеть
Париж и
умереть...**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

Любовь Миллер

18+

Августа Миллер

Увидеть Париж и умереть...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67631195

SelfPub; 2025

Аннотация

Книга создана на основе блога автора на канале Яндекс-дзен, сюда включены публицистические и философские эссе, а также добавлены короткие повести. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Короткие повести	4
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Августа Миллер

Увидеть Париж и умереть...

Короткие повести

Несостоявшийся финал

Кап-Кап-Кап. Это капает чужая кровь, Которая медленно, по капле, попадает в мой истощённый организм. Мой организм не хочет жить. Последние дни он вытворяет чёрт знает что. Я не могу стоять и тем более – ходить, падаю.

Я уже больше десяти лет веду необычный для нормального существа образ жизни. Нормальные люди долго так не выдерживают. Они, как правило, погибают. Видимо, настал и мой черёд.

Да и годы ведь не стоят на месте. Я – страшно подумать! – разменяла уже шесть десятков, покатилося на седьмой! И, может быть, это и к лучшему, что предел моей жизни должен наступить уже сейчас, а не в восемьдесят или в девяносто. Я пока ещё вполне в своём уме и владею собой, могу как-то повлиять на ситуацию, вообще на всё, что со мной происходит. А что могут старики? Да ничего! Мне почему-то всегда страшно на них смотреть, я испытываю ужас при виде

беспомощной старости, при виде этих сморщенных существ с младенчески чистыми глазами. Но так же, как я не заметила, как из молодой женщины превратилась в пожилую тётку – так и моментально подкрадётся кошмар, которого я боюсь больше всего на свете: старость.

Впрочем, мне, кажется, это совсем даже не грозит... потому что я вот-вот откину коньки. Ощущения совершенно жуткие. Сердце работает, как какой-нибудь бур, которым пробивают асфальт. Этот дикий грохот уже много дней стоит у меня в ушах, я от него просыпаюсь, и мне кажется, что это происходит не внутри меня, а где-то за окном, на дороге. Как мне объяснили те врачи, которые первыми пришли мне на помощь, я совершенно обескровлена, и сердце работает вхолостую. Ему нечего перекачивать, и оно трепыхается без всякого ритма, и в любую минуту может остановиться.

До этого времени я была практически здоровым человеком. Медицину терпеть не могла и никогда не обращалась к врачам (если не считать того, что пару раз меня приносили на носилках и сразу водружали на операционный стол, но это было так давно – больше тридцати лет назад, всё это уже начисто погребено под руинами моей памяти. Я не люблю вспоминать не только плохое, но и хорошее, я так устроена, что всегда живу настоящим – и никогда прошлым).

Но последняя зима поставила точку в моём твёрдом убеждении, что я всегда буду здоровячкой-сибирячкой и что мне не страшен ни один чёрт. Как бы не так! Как верёвочке

ни виться... Наверное, самую главную роль сыграли в этом стрессы, а их у меня было ой как немало! Конечно, можно ко всему относиться философски и, когда тебя жизнь бьёт по морде, внушать себе: «Такова жизнь! Её не переделаешь!» Но ведь не получается! Сначала предательство самого близкого человека, два года непрерывных страданий, меня трясло, а по ночам я не могла спать, потому что стоило мне заснуть, как меня начинали терзать кошмарные сны, которые не снились мне никогда ни до, ни после.

Потом меня черти понесли на другой конец планеты, в страну, которая вызывала у меня невероятную идиосинкразию всем своим мещанским духом – там всё было подчинено тому, что я всю жизнь презирала, там был культ материального, торжество победившего обывателя-потребителя. А я была человеком из царства Духа, убогостроение плоти всегда было для меня по сравнению с его чистыми радостями (кто этим живёт – тот меня поймёт!) совершенно ничтожным и незначительным занятием.

И вот когда я почувствовала, что моя психика начинает давать серьёзные сбои, и что моё полное неприятие этой страны забивает все остальные мои чувства и эмоции, я под каким-то надуманным предлогом просто сбежала отсюда, из этого благополучного рая, в мою такую неблагополучную и ужасную страну, к своим родным мутантам, выродкам, отморожкам, маргиналам и хамам... Ведь там я вдруг поняла то, чего не понимала никогда: что я глубоко русская и люблю

свою Родину... А весь мир мне, как сказал Пушкин – чужбина (а может быть, я и под всем остальным могу свободно подписаться – «всё те же мы – нам целый мир чужбина, Отечество нам Царское Село» – в молодости я провела чудные лето и осень в этом святом для русских людей месте, с человеком, который был просто уникален, таких сейчас просто не существует в природе – они вымерли, как динозавры, как последние могикане великой русской культуры).

Потом ещё много чего было – и две страшных морозных зимы без денег и без дров в заброшенной деревне, где я была совершенно одна, и многочисленные смерти друзей и близких... Но доконала меня именно последняя зима, я это знаю точно.

Да, не прошло мне даром то, как я сидела в холодной пыточной камере неприятного дома, хозяева которого были отвратительными меркантильными рабами на обывательских галерах, плывущих в тупик Бытия. Мне всё там было противно, потому что пропиталось мерзким духом стяжательства, корысти и мелочной жадности. Дома усваивают ауру своих владельцев, а я устроена на манер очень тонко чувствующего все нюансы экстрасенса. И я ни разу не встречала того, что полностью отвечало бы моим запросам... Это всегда только – чуждое и грубое, примитивное сознание недочеловеков, тех, кто никогда не станет полноценными людьми, потому что внутри у них пустота. В их человеческой оболочке отсутствует самое главное – Дух... А без него она – ничто.

Ну да Бог с ними, с недочеловеками! Я знаю, что слишком много требую от людей – того, на что они просто не способны. Мне никогда не отвечали на мои чувства. Возможно – просто мне не попался человек моего уровня, но они существуют, я знаю. И очень многие даже гораздо умнее и намного талантливее, чем я. Но вот не попались мне такие на моём жизненном пути. Только однажды – но, в общем-то, это было совсем не то, это была парализованная старушка, несмотря на весь её уникальный ум и талант (она была замечательной известной пианисткой), конечно, мы общались почти три года, но я была тогда сама буквально «неполноценной» – мне было всего двадцать лет: дура душой.

И никогда я не соглашалась на дешёвку, которую мне предлагали. То есть, конечно, я не без греха, мужчин в моей жизни было довольно много. Но физический «перепих» с ними я воспринимала как оскорбление, потому что я не воспринимала их, как людей – скорее, как животных (но животные-то как раз в миллион раз чище и благороднее!). Единственный мужчина, кого я воспринимала как человека, был отцом моего ребёнка, но он совершил такое подлое предательство по отношению к нам обеим, что я и вспоминать-то его не могла много-много лет. Просто похоронила в себе всё, с ним связанное. А самое страшное, что на нём дело не кончилось. Его дочь пошла по его стопам, как будто ей генетически передалось всё, что он сделал.

Но продолжу тему, с которой я начала своё повествова-

ние – о том, как я надломилась и в результате очутилась на больничной койке с вполне вероятной перспективой покинуть этот мир.

...Я понимала, что со мной происходит что-то необычное. Я не могла ходить. Как только я выходила на улицу, у меня темнело в глазах, начинала сильно кружиться голова, сердце буквально вырывалось из груди, и мне надо было сесть – всё равно куда. До этого я была нормальным здоровым человеком и ни на какие болячки не жаловалась – наоборот, все жизненные не слабые перипетии вроде бы на мне совершенно не отражались. Но это только казалось. На самом деле всё копилось незаметно.

Конечно, это был не какой-нибудь пустяк типа насморка. Это было серьёзно. Хотя бы потому, что я была одна-одинёшенька, и обслуживать меня было некому. А сходить в магазин стало большой проблемой. Да и валяться в постели целыми днями я тоже не привыкла – я была человеком активным и деятельным. Но преодолеть так внезапно навалившуюся на меня физическую немощь я не могла, как ни старалась...

И мысли в голове крутились нехорошие. Одно дело, когда ты, будучи совершенно здоров, думаешь о том, что можешь умереть, и понимаешь, что это от тебя где-то совсем далеко, а другое – когда твоя плоть отказалась тебе служить верой и правдой, как было много десятков лет... Нет ничего страшнее такого внезапного и коварного предательства тво-

его организма! И нужно собрать в кулак всю свою волю, чтобы не распластаться на своём ложе кулём и продолжать жить почти так же, как жил до того, делая вид, что ничего страшного вроде бы и не происходит.

Впрочем, так я поступала всегда: когда у меня случались какие-то небольшие перебои со здоровьем (жизнь есть жизнь – у кого их не бывает, тем более, когда живёшь в экологически грязной среде, постоянно на нервах, потому что всяческих переживаний в избытке подкидывает тебе окружающее), я всегда их гордо игнорировала, не бегала по врачам (как я уже написала, медицину я просто не переносила) и никогда не глотала таблетки, считая их очень вредными. Пару раз меня на носилках приносили в операционную, но операции были хоть и тяжёлыми, но не очень важными – так, вырезали кое-что ненужное, возникавшее из-за стрессов.

Вот и сейчас – я не стала обращаться ни в какие больницы ни к каким врачам. Я понимала, что это бесполезно. Я была уверена, что врачи – это люди из нашего полностью сгнившего морально общества, поэтому они, во-первых, были малокомпетентными (у нас везде работали почти не разбирающиеся в своём деле и плохо образованные товарищи), во-вторых, они, как и все другие, не горели желанием помочь ближнему, потому что делали свою работу исключительно из узкоэгоистических материальных соображений. Давно прошли времена энтузиастов-гуманистов, вкалываю-

щих за альтруистические идеи

Перебирать события своей долгой и бурной жизни я тоже считала бессмысленным. Всё равно ведь ничего нельзя было изменить и поправить. Жизнь была фактически прожита – хорошо ли, плохо ли, но было ясно, что впереди остался какой-то очень небольшой отрезок отпущенного тебе времени. И что толку терять его на бессмысленные терзания по поводу своих глубочайших ошибок, совершённых по неопытности и тогда, когда обстоятельства загоняли в угол? Ясно – сейчас многого не натворил бы: не влюбилась бы в какого-нибудь козла, которому сто лет ты не была нужна, просто хотелось попользоваться твоим сладким молоденьким тельцем, не отдала бы лучшие годы предателю-ребёночку, который, как только ты выполнила свой «родительский долг», плюнул на тебя с высокой колокольни, полностью забыв о твоём существовании...

Но это – сейчас, когда у тебя ума палата, потому что если бы ты продолжала быть той же наивной, непосредственной, разбегающейся к каждому встречному-поперечному доброй идиоткой, ты давно бы ушла из этого подлого и грязного мира, где многие люди способны только на гадости по отношению к ближнему. А тогда...

Тогда ты вообще мало думала и размышляла. Во-первых, не было времени – всегда приходилось решать кучу проблем. Во-вторых, кто же предаётся размышлениям, будучи молодым? Он просто живёт, впитывая все ощущения и эмоции,

жизнь тем и хороша для молодых, что вокруг – каждодневный океан событий, по которому ты плывёшь, не ведая, где наскочишь на рифы...

И всё-таки – не верилось, что придётся умереть... И дело даже было не в инстинкте, который не давал поверить в такую вполне вероятную для каждого живого существа возможность. Теоретически – оно да, возможно... Но ведь только-только начал что-то понимать в этой жизни... Что-то такое вроде важное... Чего ещё не знают другие...

Да нужно ли им это?! Нет, конечно. Каждый приходит к своим открытиям трудным, извилистым путём, каждый находит в своей жизни только своё, не доступное другим. И неправда, что получаем мы «по заслугам». Жизнь несправедлива до крайности, можно быть каким угодно праведником, но она будет тебя только бить, и наоборот – последняя сволочь получит в ней всё, что его подлая душа пожелает, без малейших усилий...

А ценить жизнь и её простые удовольствия начинаешь, как правило, только тогда, когда они в массе своей становятся тебе недоступны...

Больше всего на свете я ненавидела всяческие праздники. Они сбивали с ритма. Во-первых, я никогда ничего не праздновала. Моя жизнь в последнее время была скудной материально, почти нищей, и суровой, не располагающей к веселью. Во-вторых, я не любила общаться с людьми, которые были мне чужими. А чужими были все. Я давно растеряла друзей

и близких на ухабистой жизненной дороге. Раньше я любила посидеть с кем-то, кто что-то для меня значил, поболтать, немного и выпить – почему бы и нет? Я была, что называется, общительным человеком, люди меня всегда интересовали. Теперь же для меня не оставалось ни одного человека, который представлял бы какой-то интерес. Столько друзей и знакомых умерло за последнее десятилетие!!! А кто не умер, был от меня далеко, да и у них жизнь складывалась ненамного лучше моей. Все были уже в том возрасте, когда вплотную подступали болезни, которые «помолодели» – раньше люди доживали до восьмидесяти и были бодрыми и деятельными, теперь же, в наши шестьдесят, мы уже загибались от разнообразных хворей.

Утверждать, что я покину этот мир легко и играючи, было бы полной неправдой. Нет, несмотря на то, что я считала его очень несовершенным, а многих людей способными на любую низость и гнусность, он мне был дорог. По многим причинам.

Во-первых, я к нему привыкла. Даже если жизнь не радуется, всё равно, кроме неё, у человека нет ничего другого. Ведь любой бомж, скитаясь по грязным подвалам, хочет жить. Любой умирающий в муках – я это неоднократно видела сама! – рвётся жить, даже если жить там уже нечему.

Во-вторых, по сей день со мной оставались такие вещи, которые меня сильно интересовали и даже волновали. Например, классическая музыка. Это был совершенно не раз-

гаданный мной феномен. И я даже близко не приблизилась к его разгадке. В чём состоит её такое сильное действие на душу? Тёмен лес...

Да что музыка! В этой жизни я не понимала чересчур многого. А понять так хотелось!!! Вполне можно было сказать, что я на склоне своих лет была так же невежественна, как трёхлетний карапуз.

Я подозреваю, что даже те, кто корчил из себя всезнаек – какие-нить там академики и профессора тоже были полными профанами. Этот мир просто ускользал от человеческого понимания, хотя, вроде бы, в нём не было ничего такого уж сложного: кругом свирепствовала всяческая природа, в которой вот уже много веков бултыхался жалкий слабенький примат, у которого наверху плоти был насажен такой миленький кочанчик – нет, не капусты! – а мощный орган для выживания в этой коварной природе-Матери.

Но как часто она превращалась в чудовище, готовое погубить миллионы людей, и этот замечательный орган совершенно им не помогал! Стихия, разбушевавшись, сметала на своём пути всё – все жалкие человеческие приспособления, которые они придумывали, чтобы остановить безжалостную мать-убийцу!!!

Помимо каверз природы человек сам ещё подбавлял масла в огонь, своими действиями провоцируя её на разрушительные выходы. А сколько гадостей он способен был преподнести ближнему своему! И часто это было вовсе не пото-

му, что существовала такая насущная необходимость – нет, просто человек был так устроен, что о так называемом гуманизме вспомнить иногда, к случаю, хотелось, но суть, суть была тщательно скрываемой и замаскированной: если в Африке до сих пор существовали племена каннибалов, то абсолютно всё человечество рассматривало ближнего своего только как предмет для употребления, естественно, не прямого, в пищу, а существовало много разных способов извлечь пользу из существования множества соплеменников, при этом подав акт какой-то сугубо личной корысти как якобы высшее благодеяние, которым ты очень хочешь осчастливить всех от мала до велика.

Так что природа преуспела, когда наделяла человека этим самым необходимым для жизни в обществе себе подобных качеством – лицемерием, иначе он просто не смог бы общаться с такими же, как он...

Я не была по жизни тонким психологом, но некоторые вещи, характеризующие человеческую породу, уж слишком лежали на поверхности, не заметить это было трудно.

Как правило, все поползновения тех, кто имел со мной дело, сводились к примитивной цели: извлечь из нашего общения сиюминутную выгоду. Посмеявшись про себя, я быстренько пресекала этих наивных любителей найти дураков, за счёт которых можно было неплохо и комфортно устроиться.

Но когда я осталась практически на улице, вот тут-то я

и хлебнула горюшка. Мне пришлось вдоволь «насладиться» обществом таких людей, к которым я раньше и близко бы не подошла! И не потому, что была заносчивой и считала себя умнее всех. Наоборот – с детства мои близкие всегда сокрушались, что я, как они выражались, «простодырая», и обмануть меня может любой: я не могла допустить, что человек мне лжёт. Сама я врала только для того, чтобы не расстраивать свою бабушку, но моё враньё было таким неумелым, что бабушка быстро просекала мои жалкие попытки скрыть от неё то, что могло бы её огорчить, и получалось ещё хуже...

А тут... жить-то было негде, я не могла позволить себе опуститься на дно, подобно многим несчастным грязным вонючим товарищам, уныло бродящим по просторам нашей необъятной Родины в её последние кошмарные два десятка лет победившего капитализма. И приходилось проситься на постой к людям, которые, конечно же, брали меня к себе отнюдь не из жалости и не из альтруизма. Соображения у них на этот счёт бывали разные. Пока я чувствовала себя ничего себе и выглядела на свои года, они вовлекали меня в свою жалкую действительность, заставляли заниматься уборкой своих убогих комнат и вообще принимать самое непосредственное участие в своём гнусном бытии. Их жизнь проходила бессмысленно: они жрали, пили, спали, ругались... Как они были мне противны вместе с их помоечными предметами обстановки (когда у меня было много денег – был такой недолгий период в моей жизни! – я такое дерьмо выкидыва-

ла на помойку без жалости и сожалений, а эти ублюдки даже боялись быть обворованными, вот смех и грех-то!!!)!

Теперь, я думаю, всем было понятно, что я была уже совершенно ни на что не способна. Тем более, на какие-то длительные физические усилия. Это было просто написано на моей физиономии, про такие говорят: «краше в гроб кладут». И мне оставалось одно: помирать под забором. Выхода из этого жуткого тупика я не видела никакого...

Нет, не горела я желанием принять мученическую смерть! Да и никакую другую тоже... С другой стороны, меня ведь не спросят.

Однажды мне пришлось побывать в крематории (хорошили знакомую старушку). Меня попросили зайти вовнутрь и что-то там узнать. Когда я шла назад, я слегка заблудилась и стояла, раздумывая, в какой же стороне выход. Вдруг открылась дверь, из которой вышел пьяноватый служитель. А за ним я увидела помещение, состоящее из множества полок, на которых в разных позах лежали голые трупы. Как чемоданы. Меня это зрелище почему-то оскорбило до глубины души. Я ещё была сравнительно молодая, лет тридцати с небольшим (дочери было четыре года). И всегда считала, что человек – это нечто уникальное, можно сказать, исключительное явление для Вселенной. А тут... как мешки с картошкой...

Служитель истолковал моё замешательство по-своему. Видимо, и лицо у меня слегка перекосилось от такого непри-

ятного зрелища. Он ехидно спросил:

– Боишься?

Но я не стала объяснять ему, что дело совсем даже не в страхе. Да и объяснить всю ту сложную гамму чувств, которую я в тот момент испытывала, вряд ли представлялось возможным...

Но удивительнее всего было другое. Меня поражали люди, ищущие спасения в религии. Ну хорошо, есть в ней какие-то положительные моменты, не без этого, она ведь призывает человека быть нравственным, не творить дурных дел, помогать ближнему... Но всё это может делать абсолютно любой, для этого не надо обращаться к какому-то мифическому существу, которое, якобы, контролирует всю твою жизнь. А вот его сверхжестокость по отношению к человеку просто изумляла. Вложить в него разум, знающий, что от тебя ничего не останется. Даже памяти. Как жестоко!!! Допустим, кого-то мы помним долго – гениев, великих людей, знаменитых учёных, время от времени совершавших перевороты в науке, а вместе с ней и в жизни миллиардов обывателей. Но ведь стоит только погибнуть этой цивилизации (а это может случиться в любой момент и в одну секунду!), как от человечества и от его «благодарной» памяти не останется ровно НИ-ЧЕ-ГО!!!

Всё было придумано очень ненадолго и недолговечно, если брать космический масштаб. Секунда жизни. Космические мошки – вот кто мы вместе с нашим комочком грязи,

который казался необъятным только тем необразованным товарищам, которые жили на заре человеческого существования.

Они тогда были смиренными и очень покладистыми, потому что понимали, что их жизнь висит на волоске. Они не могли уберечься от катаклизмов – смерчей, ураганов, землетрясений, болезней, пандемий, почти полностью выкашивавших миллионы жалких беззащитных существ, зависящих от любого пустяка... А войны, которые они стали интенсивно вести, убивая себе подобных, как только научились изготавливать соответствующие инструменты для массового уничтожения!..

(Странно, но никогда не случалось такого, чтобы на Земле никого не осталось... Это наводит на размышления о том, что в природе существуют силы, каким-то тайным образом, помимо естественного, восполняющие человеческую популяцию, что бы с ней ни произошло. Зачем-то она нужна...)

И уж только в самое последнее время, каких-то сто лет, человек сделался невыносимо заносчивым. Он возомнил, что он – высшее существо, а вовсе не «тварь дрожащая», и стал позволять себе совсем уж непозволительные вещи – например, он начал активно вмешиваться в природу, пытаться изменить климат, а также занялся такими вещами, которые действительно по плечу только Господу Богу. Я имею в виду клонирование животных и человека. Открытие всяких там геномов на фоне этого и внедрение генов животных

в растения – это уже так, милый пусячок на фоне того, что человек возжаждал взять на себя функции Создателя.

При этом ничего ведь не изменилось – люди как умирали, так и продолжают умирать. Свирепствуют всяческие неизлечимые мучительные болезни, косящие миллионы направо и налево. Жизнь хороша только для кучки богатых, остальные, по большому счёту, прозябают...

Тот самый кочан не капусты, а орган непонятного назначения (излучатель волн?) нужен вовсе не самим людям, это уже понятно. С его помощью, скорее всего, силы, нас контролирующие и проводящие на нас всяческие эксперименты, осуществляют свои опыты на огромном количестве биологического материала. Мы – серийное поголовье для серийных космических маньяков.

При этом их цель вовсе не выведение высшего человека, как размечтались некоторые. Если бы это было так, человек не оставался бы таким неизменно примитивным на протяжении всего своего существования. А в главном он нисколько не изменился – как был он глупцом и корыстной сволочью, так и живёт с этим много тысячелетий.

Мы нужны как биологический материал – вот в чём истина-то! А всё остальное – игра нашего буйного воображения, которым нас наградили (и то далеко не всех!), чтобы хоть как-то скрасить наше убогое существование...

Мне, конечно, было совсем не всё равно, что в этом мире я существую не сама по себе. Людям давать отпор я на-

училась давным-давно, ещё со школьных лет, когда я слыла «трудным ребёнком» и невероятной строптивицей. Потом меня пытались подстричь под свою убогую гребёнку товарищи, захватившие власть в нашей несчастной стране, но им, всемогущим, как ни странно, это совсем не удалось, хоть методы они применяли совсем даже не щадящие, а самые что ни на есть крутые. Но я сумела извернуться и выскользнуть из их нечистоплотных объятий.

А вот противостоять каким-то неведомым силам, которые никак себя не проявляли – понятно, было невозможно. Человеку якобы дана свобода, но это такая же иллюзия, как и то, что существует милосердный всевидящий боженька, который всемерно заботится о своих чадах. Да – вроде бы мы были свободны в своих поступках: могли любить, кого и что хотим, могли делать всё, что нам заблагорассудится, за исключением всяческих поступков, которые наносили вред обществу (впрочем, при определённых обстоятельствах даже криминал считался узаконенным и оправданным, всё зависело от предпочтений, точки зрения, принципов и убеждений, существующих в обществе на сегодняшний день). Но если задуматься – вся наша свобода давалась нам на миг, до того момента, когда мы переставали принадлежать сами себе, вот как я сейчас. А миг этот наступал неизбежно. И никто не мог увильнуть от того, что в итоге он становился НЕ НУЖЕН: ни близким, ни миру, ни даже себе.

А человек был устроен, ко всему прочему, так, что любил

обманывать сам себя... Он предпочитал жить с закрытыми глазами. Но я-то была другой. Я любила докапываться до сути, до тех мест, откуда у событий росли уши. Я не могла предаваться иллюзиям, зная, что наступит момент, когда они рассеются подобно утреннему туману. И поэтому предполагала, что будущее сулит такие страшные вещи, что, возможно, люди поступали даже в чём-то мудро, не думая о нём, потому что наверняка не в силах людских было их предотвратить.

А пока что... пока что я находилась под прессом собственного маленького ада. Это была как бы репетиция того, что ожидало всех нас. Я не знала, как долго буду подвергаться воздействию деструктивных сил, но не надеялась на то, что с мной поступят милосердно, ведь в своей жизни я видела родных и знакомых, умиравших долго и мучительно... Пришёл мой черёд, оставалось только терпеть и ждать неизбежного.

И вот наконец наступила кульминация. Меня сгрёб в охапку милосердный сосед, которому надоело смотреть на мои мучения, и отвёз в поликлинику. Там он выдержал битву у окошечка регистратуры, потому что у меня, как всегда, с бумажками, которые изобретало наше бюрократическое общество во множестве, было не в порядке, а потом чудом взгромоздил меня на третий этаж, передав в буквальном смысле толстой пожилой врачихе на плечи, и она потащила меня в свой кабинет, приговаривая, что ведь она

не может осматривать меня в коридоре. Как мне ни было плохо, я не могла не заметить, как смолкли люди, сидевшие там и ожидавшие приёма, и как они с любопытством следили за развитием событий. Сценка, конечно, была довольно необычной: толстая тётка в белом халате тащит на себе полутруп.

В кабинете на меня накинулись уже две тётки. Мне стали делать всяческие анализы, после чего врачихи пришли в ужас – они у меня были несовместимы с жизненными показателями. Они стали кричать, что если я сию секунду не лягу в больницу, то они за мою жизнь не ручаются. Я, хоть и помирающая, но пыталась слабо возражать, потому что в больницу мне очень не хотелось, чем привела тёток в полную ярость.

– Вы на себя в зеркало-то смотрели?! Вы же бледная, как мел, совершенно обескровленная, вы же умрёте вот-вот, не успев вернуться домой! До чего вы себя довели! Вам что – наплевать, что с вами будет???

Кончилось это тем, что Саша потащил меня вниз, на рентген. Но это оказалось очень сложным делом – я совершенно не могла стоять, и работающая там женщина уже отчаялась сделать снимок. Но сила воли у меня чудовищная, я спросила, как долго мне надо продержаться и, узнав, что всего-то минуту-другую, я собрала в кулак последние силы, и снимок был сделан...

Не буду утомлять читателя всеми этими медицинскими

подробностями. Первые дня три-четыре я просуществовала в каком-то кошмарном сне. Однако же я понимала, что я лежу на чистой постели в довольно большой и светлой комнате и вообще вполне осознавала всё происходящее вокруг. Кроме меня, там находились ещё три совсем престарелых бабульки, которых тоже привезли почти невменяемыми (кого с давлением, кого с сердечными приступами), но которые на удивление быстро оклемались (что значит старая гвардия – это люди пережили войну и все прочие передрыги, поэтому они и в 80 лет были как стойкий оловянный солдатик, и не так-то просто было их скосить той омерзительной мадам, которая ходит среди людей в белом саване и с косой с самого начала их существования на этом многострадальном шарике!!!).

Я была уверена, что не выживу. Мысли и ощущения возникали странные. Ночью все спали. А мне начала слать смски моя подруга, и в них было очень много дежурных фраз с утешениями. Мне очень хотелось написать ей в ответ, что я в этом совершенно не нуждаюсь. Не знаю, может быть, я всё-таки не верила до конца, что оставляю этот несовершенный мир – но я нисколько даже не боялась. Скорее наоборот – мне хотелось, чтобы это побыстрее кончилось. Я уже явственно видела эту грань, разделявшую два несовместимых мира: этих стонущих бабулек в палате и тот, куда мне предстояло попасть. Где он точно находится, я отчётливо не представляла, но мне казалось, что что-то уже отделилось

от моей страдающей больной плоти и летит куда-то в Вечность...

По-моему, при этом даже боль меня переставала терзать. И я куда-то проваливалась – то ли в глубокий сон, то ли в бессознанию...

А самое главное – я вдруг поняла, как никогда до этого не понимала, что наш привычный материальный мир – это ничто. Он почти совсем не играет никакой роли. Главное происходит не здесь, а там, куда мне предстояло улететь (ей-Богу, другой глагол трудно придумать, это ощущалось именно как полёт).

Мне вливали кровь почти каждый день. Все беспокоились, как я это перенесу – медики-то знали, что при этом бывает всякое, вплоть до комы, потому что организм может начать отторгать чужую кровь, даже нужной группы. Но у меня всё прошло без сучка без задоринки – кровь вливалась в меня как родная, организм её усваивал на ура.

И когда наступил тот момент, что я почувствовала, что я спасена – я не уловила. Но моё многомесячное состояние глубокого инвалида вдруг внезапно закончилось. Вот только не знаю – было ли это счастьем? Любой нормальный человек наверняка скажет: конечно, остаться жить – это безусловное, несомненное счастье. А я в этом что-то совсем не уверена...

Дрожжи для выгребной ямы

Мне никогда и ничто не мешало быть самой собой и делать только то, что я хочу.

С самого раннего детства я знала: мне можно всё. Откуда во мне возникла такая уверенность, сказать трудно. Осознать себя как Личность я начала несусветно рано, возможно, ещё до того, как начала говорить. Я помню, что понимала людей абсолютно так же хорошо, как сейчас, прожив большую часть своей жизни.

Возможно, так было потому, что люди в большинстве своём чрезвычайно примитивны, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, что они думают и чего они жаждут.

Ещё учась в школе я делала такие вещи, которые не позволили бы делать ни одному ребёнку. Например, я совершенно в открытую читала на уроках книги, а ещё я всегда возражала педагогам, если считала, что они неправы. Впрочем, самый первый мой опыт по этой части кончился довольно плачевно. Шёл первый месяц из тех скучных десяти лет, что я проторчала в этом заведении, которое, может быть, и учит читать и писать (я это умела задолго до поступления в первый класс) и даёт какое-то слабое понятие о том уровне науки, к которому она приходит к тому времени, но для таких, как я, школа совершенно бесполезна.

Недалёкая Ольга Леонидовна, которая была нашей учительницей все четыре года в младших классах, что-то спросила о том, чем мы занимались на перемене. Не помню уже конкретики (слава Богу, прошло больше полувека!), но я высказалась со всей прямоотой, назвав вещи своими именами. Я иначе не умела. Наверное, уже тогда было ясно, что по ди-

пломатической стезе мне явно идти не придётся. И Ольга Леонидовна, усмотрев в моей детской непосредственности что-то чрезвычайно неприличное, ничтоже сумняшеся выгнала меня за дверь...

Но этот печальный опыт моей неуместной откровенности перед социумом меня ничему не научил...

Совершенно нетрудно было прийти к банальному выводу: 99 процентов этого самого социума – отчаянные лицемеры, которые привыкли лицемерить даже наедине с собой. А я вот выискалась вся такая искренняя, что мне самой всегда было не по себе. Где-то ведь надо и соврать, и промолчать – зачем же жить-то, делая себе дороже?

Но нет... бес всегда меня подзуживал на крайности. Мало меня били. И даже когда моя «благополучная жизнь» накрылась медным тазиком, и это так называемое благополучие понеслось под откос со страшной скоростью – я всё равно продолжала быть верной себе. Может быть, это была глупость... Но скорее всего, человек рождается с определённым набором генетических особенностей, переступить через которые значит просто сломать самого себя. На это не способен никто. Да и во имя чего нужна такая жертва???

Надо сказать, что самое дно своей души я всё-таки не обнажала. Оно было не то чтобы таким уж грязным или неподъёмным для понимания любопытными кумушками и во всё лезущим грубыми лапами мужичьём, и я боялась каких-то там разоблачений со стороны досужих глупцов – нет. Дело

было совсем не в этом. Скорее, я боялась вытаскивать на свет божий тёмные стороны своей натуры (и, соответственно, поступки, совершённые под их влиянием) потому, что боялась исключительно самой себя. Потому что уже был длительный прецедент, когда я дошла до того, что совершенно сама себе не принадлежала...

Конечно, это очень приятное состояние, в котором отрешаешься от своего занудного «Я», и вроде бы воспаряешь над миром на мощных крыльях неведомых чувств. Это что-то похожее на то, как если бы ты был под действием мощного наркотика, известного только тебе одному. Но где-то в глубине твоего существа маленьким гвоздиком засела гадкая такая критическая мыслишка, что долго жить под кайфом – так не бывает, и пробуждение будет ужасным...

Так оно и получилось. И стало понятно, что вопить и стенать по этому поводу – бесполезно. Никто не услышит, можешь даже разбить свою нестандартную головку о первый попавшийся бетонный столб...

Что оставалось? Да практически – ничего. Что остаётся после налёта вражеской авиации? А между тем, надо было жить дальше.

Выхода из заколдованного лабиринта мне не оставили никакого. Я ненавидела болтаться на жизненной поверхности подобно известной субстанции, а пришлось, и не год или два, а целое десятилетие.

К тому же, годы понеслись почему-то бешеным галопом,

в то время как в детстве и в молодости дни еле тянулись. Не успевала я оглянуться, как проносилась очередная невыносимая по тяжести бытовых условий зима. Летом было чуть легче, но я вообще не замечала, как оно переходило в осеннюю непогоду. Так и к могиле можно было прискакать, не успевая осмыслить, за что ж страдаю-то, за какие-такие тайные грехи?

Да, был один крупный грех. Я была закоренелой мизантропкой, и неважно, что многим делала хорошее в силу тряпичности натуры и гуманного воспитания (внушали в детстве, что нельзя проходить мимо страждущего, если можешь чем-то помочь). Но если посмотреть объективно – не лицемерят ли, опять же, те, кто привык петь сладкую песню о безмерной любви к человечеству? А на деле все эти словеса всегда оказывались полным враньём и показухой и говорились лишь для того, чтобы под их прикрытием как следует обстричь развесившее уши и попавшееся на нехитрую приманку наивное сборище, сбежавшееся послушать очередного благодетеля, коих в истории было не счесть...

Я очень поздно поняла, что человек – существо крайне непостоянное. Я-то, общаясь с кем-нибудь, вкладывала в это общение всю себя и ждала от другого того же самого. Ничуть не бывало – противоположная сторона давала мне ровно столько, сколько нужно было ей в соответствии с теми намерениями, которые она испытывала по отношению ко мне. Проще говоря, люди не относились всерьёз к моим чувствам.

Да и ценят всегда только то, что достаётся с большим трудом, а не само плывёт в твои руки.

И всего лишь однажды мне выпало много лет общаться с женщиной, которая мной прямо-таки восхищалась (что не мешало ей сурово меня отчитывать за какие-нибудь с её точки зрения проступки). Например, она считала, что я замечательно умею излагать свои мысли на бумаге. Тогда ведь ещё не был изобретён интернет, и все писали друг другу обыкновенные письма, которые шли до адресата чёрт знает сколько времени – иногда даже по полмесяца (а мы одно время жили в разных городах и часто писали друг другу).

Или, когда мы вместе посещали филармонию, она, видя, как я лихо разбираюсь в стилях исполнения, каждый раз укоряла меня за то, что я в силу своей природной лени не стала профессиональным музыкантом или, на худой конец, музыкальным критиком...

Она была гораздо старше меня, и эта дружба больше напоминала опеку неопытного младшего более опытным и умудрённым в жизни старшим. Мне, конечно, было дико приятно её восхищение – ведь она сама была далеко не ординарным человеком. Даже, наверное, уникальным по многим своим интеллектуальным и человеческим параметрам. Будучи инженером-корабелом, она блестяще разбиралась в искусстве – была большим знатоком литературы и поэзии, а уж про музыку и говорить нечего... И самое главное: она без конца кому-то помогала, существовала бездна тех, кто принимал её

помощь. Иногда она даже жаловалась, что ей некогда жить для себя...

Но это был – увы! – единичный пример, когда я так много значила для человека. Это было совсем не типично для всех моих связей с людьми.

Нет, конечно, можно вспомнить ещё некоторых, кто общался со мной с завидным постоянством. Но все эти люди нуждались в помощи, они стали бы иметь дело с любым, кто её предложил бы, тут дело было вовсе не в том, что это я такая распрекрасная особа.

Но вот те, с кем мне хотелось иметь дело больше всего, ускользали от меня под предлогом крайней занятости или ещё какими-то. Думаю, что я просто была им не интересна, как не интересно мне сейчас большинство из тех, кто встречается мне на жизненном пути. А так как я человек очень неназойливый, долго я никого своей персоной не мучила и отваливала при первых признаках проявленного по отношению ко мне безразличия.

Да, мой максимализм простирался широко – я всегда требовала от людей слишком многого, того, что они заведомо дать мне не могли. Я была деспот... поэтому осталась в полном одиночестве в момент, когда больше всего нуждалась в чьей-то поддержке.

Обычно у таких людей портится характер и развиваются всякие странности. Например, они начинают разговаривать сами с собой. Но я, вроде бы, держала свою необузданную

в прошлом натуру под строгим контролем разума. Мне нельзя было давать себе поблажек и утрачивать контроль над собой, это было чревато потерей «лица» – в таких вещах я была солидарна с японцами, которые считают это самой страшной потерей из всех, то есть, не важно, что ты потерял богатство или престиж, главное при этом остаться самим собой и сохранить достоинство...

Интернет изобрели очень вовремя для меня. Я совершенно не ощущала свою отверженность и обособленность от всех людей и от мира вообще. Наоборот, я, что называется, «держала руку на пульсе». И, поскольку делать мне было абсолютно нечего (судьба занесла меня в тихий и безлюдный зимой южный посёлок, да и летом отдыхающих здесь было не так уж много, а устроиться на какую-либо работу здесь было делом абсолютно невозможным – рабочих мест не хватало даже для «своих»), я начала развлекать себя на полную катушку, что заключалось в том, что я решила высказать миру всё, что я о нём думаю.

Но нельзя без конца заниматься тем, что каждый день кидаешь увесистую пачку дрожжей в отхожее место. В итоге выплёскивающаяся оттуда вонь задушит вас своими невыносимыми миазмами, и вы раскаетесь, что увлекли себя на скользкую дорожку «правдоискателя»... Нет, славы вы не заслужите точно. Наоборот, на вас выльют столько помоев, сколько вы их не получили за всю свою жизнь в реале.

Но мне, кажется, всё было нипочём, я жаждала обличать

это гнусное человечество, не понимая абсолютной бесполезности и бессмысленности этого занятия. Меня костерыжили все придурки, которые только водились в виртуальном пространстве. Спасибо, что через всемирную паутину нельзя реально набить морду, а то я давно бы лишилась обоих глаз!.. Ну уж шаловливые ручонки мне выломали бы со сто-процентной вероятностью!

Эх, ни за что бы не поверила раньше, что обличать пороки так приятно!!! Вот, оказывается, почему таким селевым потоком льётся отовсюду компромат! Люди получают извращённое удовольствие от всех этих океанов негатива, в которых купаются, как в жару на популярном курорте – миллионными массами! Тем более, что в последние годы игра идёт без каких-либо правил – можно всё!

Ну и жизнь настала, уж если даже смирный обыватель кипит праведным гневом, как забытый на газу чайник со свистком! Только толку от этого – полный ноль... Забывается всё через полчаса.

Вот и я, получив очередную порцию помоев, ничуть не огорчалась. Подумаешь!.. Что мне осталось потерять в этой жизни – только её самоё. Но это никак не может произойти от того, что какой-то назойливый попугай (самый глупый и навязчивый имел прелестный ни на какую оригинальность не претендующий ник Иван просто Иван) обзовёт тебя бездарью. А уж цену себе я знала – с тех пор как не прогнулась под ударами судьбы, лишившей меня всего на свете.

Ага, оказывается, и в моём безнадежном положении есть свои маленькие радости!.. Кто бы мог подумать! Приятно поставить на место виртуального хама. Хотя, откровенно говоря, я бы предпочла не иметь с ними дела вовсе...

Да, жизнь всё больше и больше становится похожа на отстойник. Наверное, что-то подобное чувствовали аристократы в 17-ом году, когда вся эта дрянь и пена вылезла из всех щелей на поверхность и начала резать, грабить и измываться над незащитными людьми. И это было отнюдь не виртуально. Многие тогда сумели уехать, но менталитет русского человека на чужбине вряд ли можно сохранить – для того, чтобы выжить, нужно прежде всего ассимилироваться, а это значит – забыть всё прежнее и стать в корне другим. Я бы этого не смогла никогда, вот поэтому я и не воспользовалась множеством возможностей, открывшимися передо мной совершенно случайно, без малейших усилий с моей стороны. Мне там было гораздо хуже, чем здесь. Там всё было чужое и чуждое. И привыкнуть я бы не смогла никогда...

Здесь мне тоже было всё чужое. Прошлые поколения ушли и унесли с собой всё то, что отличало настоящего русского человека от всех других: доброту, порядочность и бескорыстие. Такое впечатление, что остались только морально нечистоплотные. Правда, это совершенно не играет никакой роли, если ты другой и тебе это противно. Оставаться собой можно хоть в стае шакалов, хоть на Луне. Не права поговор-

ка «с волками жить, по-волчьи выть». Если человек не хочет быть дерьмом, в которое превратились огромные массы нашего населения, безропотно согласившись играть по правилам игры, предложенным жуликами и мошенниками, он никогда им не станет, как бы его ни прессовали всяческие СМИ и окружающая жизнь.

Другое дело, он сам решил, что такая жизнь ему подходит. За Гитлером пошли все немцы за очень редким исключением. Ведь он пообещал им, что они будут расой господ, которых будет обслуживать и содержать весь мир. Для обывательских мозгов нет ничего приятнее этой картинки: я господин, вы – рабы. Особенно счастливы бывают те, кто вылез «из грязи да в князи». Так и тут – кучка ограбивших страну парит мозги прочему пиплу, что он в любой момент может встать на место тех, кто оказался ловчее и беспринципнее. И действительно: те, кто больше всех возмущается, попав на место тех, против кого они боролись, начинают делать абсолютно то же самое.

А между тем, как сказал известный булгаковский персонаж, говорить правду легко и приятно. А уж жить по правде – нет ничего легче! Надо вовсе даже не врать другим, а... не поверите. Всего лишь не врать самому себе. Никогда не кривить душой. Я не понимаю, почему это так трудно для большинства. Может быть, потому, что человек любит носить маски и не снимает их даже в своей спальне?

Так и быть, сообщу вам самое главное, что делает челове-

ка человеком. Опять же – ничего нового. Работа над собой, на которую не способно большинство. Да, быть нравственным трудно. Гораздо проще плыть по течению и быть таким, как большинство, для которого обмануть ближнего и украсть считается нормой. А ещё лучше – попасть наверх (пусть даже в масштабах своего села) и извлекать выгоду для себя, полностью наплевав на других и на свой служебный и человеческий долг.

Только вот такая жизнь не проходит даром ни для кого и долго она продолжаться не может. Начинаются жуткие кризисы, сначала экономические. потому что экономика – самый яркий показатель неблагополучия. А потом... потом начинается вырождение и вымирание, что мы и наблюдаем сейчас во всей красе. А нашим потомкам я не завидую вообще – вот кто сполна расплатится за все наши преступления против совести.

Что самое страшное в этой жизни? Нищета? Одиночество? Старость и болезни?

Нет, нет и ещё раз нет!!!

Возможно, со мной никто не согласится. Самое страшное на свете – это духовное убожество. Из него проистекают все беды, преступления и пороки. И самое страшное, что большинство и не подозревает о том, что оно убого до беспредела, дальше ехать некуда...

Доказывать никому ничего не собираюсь. Это бесполезное занятие. Ни в одном споре истина никогда не родилась.

Она и вообще так и не родилась на этой планете. А зачем? Человек живёт здесь сотни тысяч лет, прекрасно обходясь парой-тройкой псевдоистин. Его вполне устраивает коровья жвачка, которую он жуёт на протяжении всей своей тупорылой жизни – ничего другого его хилые немощные мозги и не смогли бы переварить.

А то, что сюда приходили гении и пророки – совершенно ни о чём не говорит. Они не изменили человеческую сущность. Они не смогли побороть его алчность, жадность и никчёмность.

Кроме агрессивности и прочих качеств, присущих человеку в той же сильной степени, что и животным, в человеческой породе есть ещё куча «приятных» чисто человеческих качеств. Одно из них – жгучее желание порыться в грязном белье ближнего (теперь, когда существует интернет, стало удобно удовлетворять эту низкую страстишку и относительно дальнего тоже). Вот уж где видны все таланты, присущие человеческой популяции!!! Если бы человек всю энергию, которую он тратит на нездоровое любопытство, пустил на что-то полезное – жизнь бы просто преобразилась!

Но это совершенно невозможно. Человеческая особь создана с учётом её низенького интеллектуального и морального потолка, и такое положение устраивает всех: и создателей, и тех, кто на Земле рулит подопечным поголовьем, а самое главное – самого человека, среднестатистического обывателя. Ему не нужны абстрактные материи в виде заумных

рассуждений «из-за чего, куда и зачем», он рвётся к вполне конкретным материальным благам, даже если путь к их овладению лежит через то, что ему потребуется наступить на свои какие-то принципы, которые, охотно верю, имеются у многих – не без этого, дело же совсем не в их потенциальном наличии, а в том, как они могут быть применены в каждом конкретном случае.

А человеческая психика – это, я вам скажу, нечто! В ней намешаны такие противоречия и парадоксы, что сам чёрт ногу сломит! Кто только ни пытался разобраться! И вот пошло уже третье тысячелетие от точки отсчёта нашего поворота от зверя к человеку – а воз и ныне там!

Ну кто только ни предлагал всяческих кардинальных рецептов по улучшению человеческой породы – и ни разу не вышло ничего, кроме очередного кровопускания и мощной прополки грядок с биомассой.

Значит, выхода нет? Тупичок-с?

Но человек запрограммирован так, что подавай ему надежду на «светлые идеалы», иначе жизнь ему не мила. И вот приходит очередной болтун и прохиндей, обещает нам золотые горы, и мы снова покупаемся на соловьиные трели хитрого дяди, смекнувшего, что нас можно купить по страшной дешёвке, мы уже не раз доказали, что грош нам цена в базарный день.

И всё повторяется практически с чистого листа. Наше хождение по кругу никогда нам не надоедает. Ничего друго-

го мы просто не знаем.

А как же я? Почему же мне выпала доля стоять в стороне от всего, что бурлит и кипит в этой гигантской выгребной яме, заполненной до отказа всяческими страстями и несовместимыми друг с другом людскими желаниями?

Я не знаю почему, но с самого нежного возраста я не верила никаким авторитетам, и никто не мог меня заставить согласиться, что «коммунизм – это наше светлое будущее». В моё время за несогласие уже не ставили к стенке, хоть и неприятностей я хлебнула будь здоров.

А дожив до наших дней и вовсе поняла, что поставить меня раком будет пытаться всяк, кому не лень. Не хотелось бы употреблять грубый глагол, но из песни слова не выкинешь, и я никогда не реагирую, когда мне начинают е-ть мозги. Я это обнаруживаю сразу и даже тогда, когда человек изображает полную доброжелательность и готовность помочь мне в моей многотрудной жизни. Таких случаев очень много, потому что ведь каждому, даже последнему подонку, хочется выглядеть в своих глазах рыцарем и благодетелем – пусть не всего рода человеческого, но хотя бы одного человека.

Справедливости ради стоит сказать, что есть среди нас и настоящие люди. Их не замечаешь, пока не подойдёшь к краю бездны. И вот тут-то они и нарисовываются ниоткуда и не дают тебе туда рухнуть. Не думаю, что я смогла бы выжить в глухой тайге совершенно одна, без поддержки таких редких людей, хотя бывают минуты, когда жизнь мне

кажется этой беспросветной глухой тайгой. Например, был момент, когда я сильно дрогнула и подумала, что вот он – мой конец пришёл. Зимой, больную, с высокой температурой, меня выгнали на улицу без копейки поганые людишки, у которых я работала, а дочь сказала, что она ну совершенно ничем не может мне помочь... Земля тогда ушла у меня из-под ног.

Но как видите, я осталась в живых, наверное, для того, чтобы написать эту маленькую повесть. Впрочем, я не заблуждаюсь на свой счёт – мир останется таким же равнодушным, как и до этого, ведь я даже не пророк и не гений.

Неожиданное путешествие

Со мной что-то явно было не в порядке. И уже давно. Раньше я тоже чувствовала себя в этой жизни не в своей тарелке, но не до такой степени. Я подозревала, что моё отвратительное физическое состояние связано совсем даже не со старостью (до неё, если смотреть объективно, было ещё очень-очень далеко), а вот именно с этим бессознательным внутренним неприятием людей и окружающей действительности.

Я лежала целыми днями в постели и буквально загибалась. Мне трудно было встать и сходить в магазин за продуктами, но иногда всё же (не сидеть же голодной, хотя есть мне тоже совсем не хотелось – кусок не лез в рот, я заставляла себя насильно) я преодолевала свою полную немощь и заставляла себя встать и поехать на местный рынок, назад прихо-

дилось вызывать такси (благо, оно стоило недорого!), потому что после всех этих усилий меня шатало и бросало в разные стороны, голова кружилась, и очень хотелось упасть.

Так проходили месяцы. Видимо, кончилось бы это в итоге совсем плачевно. Однажды, совсем недавно, около года назад, меня в точно таком же состоянии обнаружил сосед, который оказался милосердным человеком, он не стал долго рассуждать, а просто сгрёб меня в охапку и повёз на своей машине в местную больничку, где пробыл со мною до тех пор, пока не водворил меня в палату для особо тяжёлых больных (туда помещали, в основном, помирающих старушек). У меня нашли кучу самых разных тяжёлых заболеваний и стали интенсивно лечить. Через неделю я уже поняла, что путешествие в загробный мир откладывается на неопределённое время. Не сказать, что это меня сильно обрадовало, потому что жить мне было не для чего и, главное, не для кого – в этом мире я давно уже существовала в полном одиночестве, хотя всю свою жизнь я провела, заботясь о ком-то. Одни покинули меня, потому что ушли туда, куда собиралась уйти и я, другие, и среди них самое близкое мне существо, просто забыли о моём существовании.

Но в моей жизни вдруг стали играть большую роль совершенно посторонние люди. Они и в глаза-то меня никогда не видели, но им почему-то хотелось принять участие в моей судьбе. Глупо было бы отвергать этих далёких доброжелателей. Они пытались сделать для меня что-то доброе, всё, что

было в их силах. Конечно, они были просто обыкновенными смертными и не могли кардинально переменить мою жизнь. Но и тех крох добра, исходивших от них, оказалось достаточно, чтобы я оставалась в этом мире... Мы не знаем силы даже просто доброго слова. Может быть, когда отчаявшийся человек его слышит от кого-то, это коренным образом меняет его состояние.

Конечно, моё существование было очень непрочным и могло прекратиться в любую минуту, ведь всю свою прошлую жизнь я привыкла ни от кого не зависеть и полагаться только на свои собственные силы. Но оно длилось и длилось, хотя бывали такие критические моменты, когда казалось – всё кончено, ты будешь лежать много дней в собственных экскрементах и в итоге загнёшься в страшных мучениях, и тебя не сразу найдут совершенно чужие равнодушные люди. Но каким-то образом всё налаживалось и продолжало монотонно течь своим чередом, до тех пор пока вдруг у какой-то женщины, живущей в далёкой стране, не возникла идея, что она обязана познакомиться с явлением, которого она никак не могла понять. Она читала и перечитывала всё, что я писала о себе в интернете (а я писала уже несколько лет, в основном, от скуки, от нечего делать, это тоже помогало мне отвлечься от своего ужасного, а временами просто непереносимого состояния абсолютного одиночества и физической боли) и никак не могла уразуметь, что на свете существуют люди, которые живут не так, как она привыкла

жить.

Эта женщина была самым что ни на есть обыкновенным представителем рода человеческого, для которого на первом месте значились самые обыкновенные ценности: вкусно по-жрать, потрахаться и весело провести время. Так она и жила, ни о чём не задумываясь, всю свою жизнь. Ценой каких-то (скорей всего, не очень чистоплотных) ухищрений она накопила значительные деньги (ни для кого не секрет, что торгаши в бывшем СССР воровали направо и налево, а она всю жизнь проработала в торговле и в сфере обслуживания – проводником в поезде, где была тьма возможностей украсть по мелочи, но из этих мелочей за годы складывались очень приличные состояния) и купила дом в южной стране, которая дала приют своим детям, раскиданным по всему миру.

Правда, она не поняла одной истины – самой главной в этой жизни. Дело в том, что за всё надо платить, это неизбежно. Я много раз на примере своих знакомых убеждалась в том, что сладко и бездумно проведённая жизнь в итоге в один прекрасный момент кончается, и наступает плата по просроченным счетам. Вот и у этой женщины наступило именно такое время. Во-первых, она, имевшая большой успех у противоположного пола, подцепила жестокую болезнь, которая разрушала её организм медленно и верно; во-вторых, живя среди родных и близких, она подвергалась плохому отношению к себе, которое исходило от собственной дочери – история, старая как мир. И неизвестно, чьё по-

ложение было хуже – моё или её. Моя дочь начисто вычеркнула меня из своей жизни, но при этом я не сталкивалась каждый день с хамством и равнодушием самого близкого существа, не рыдала, как эта женщина, каждый день от мелких оскорблений, которые наносила ей дочь на каждом шагу. Наверное, это звучит чудовищно, но я давно уже привыкла к тому, что дочери у меня не было...

А я-то ведь не знала, что нельзя верить словам этой женщины и сломя голову бросаться в эту авантюру! Она стала настойчиво звать меня приехать. Смешно сказать – мне пошёл седьмой десяток, вроде неглупая тётка, но я каждый раз забываю о том, что люди – безответственные существа, не способные отвечать за свой базар. Я привыкла судить по себе – я никогда не обещаю того, чего не могу сделать. А очень многие устроены так, что, наболтав и наобещав с три короба, потом широко разводят руками и говорят – «ну мы ведь не думали, что так всё получится...». Вот и эта безответственная тётка, пригласив меня чёрт знает куда, в заграницу, решила загрести жар чужими руками, благо возможности для этого имелись. У меня там уже больше двух десятков лет жили близкие друзья, связь с ними прервалась уже тогда, когда они туда уехали. Если бы их не было, мне пришлось бы очень круто, потому что тётка была способна только на пустой трёп.

Короче говоря, наобещав мне, что меня встретит её дочь на машине, что я буду жить у неё месяц, что меня будут вез-

де возить и так далее, тётка бессовестно врала. Потом она свалила всё на меня – якобы она не ожидала, что я соберусь так скоро, но это тоже было враньём, потому что она звала меня на свой день рожденья в начале января, а приехала я только через месяц.

Как бы там ни было, она послужила причиной того, что я подняла своё брненное тело с постели, почти что со смертного одра, и пустилась в путешествие, нелёгкое даже для совсем здорового человека.

Выяснилось, что дочь тётки меня встретить категорически не может, и тогда она начала атаковать моего знакомого, который и думать забыл о моём существовании много лет назад. Выходя из терминала аэропорта я была уверена, что мне придётся провести бессонную ночь где-нибудь на скамейке и потом самостоятельно тащиться неизвестно куда по стране, в которой я была впервые и ничегошеньки там не знала. На всякий случай я постояла там какое-то время, крутя головой во все стороны – а вдруг, всё-таки, я ошибаюсь, и сейчас ко мне подойдут люди и спросят: «Это вы прилетели, старая дура, к нам в гости?» Но никто, как и следовало ожидать, не подошёл, и я уже собралась куда-то приземлиться и подумать о том, когда же я, наконец, поумнею...

И тут вдруг ко мне подошли двое: седой старичок и полная, совсем ещё не старая женщина. Конечно, я сразу узнала в них моего давнего приятеля – крепкого черноволосого Игорька и бывшую тоненькую девочку Маринку... Мы по-

ехали к ним – оказывается, они приготовили мне настоящую встречу: накрыли богатый стол с разными закусками, имелось даже вино! Мы просидели всю ночь, часов до 5 утра, вспоминая нашу весёлую молодость. Это было так приятно, что я почти забыла о своих болячках. Ведь уже много лет я проводила рядом с чужими неприятными людьми и давно так не отогревалась душой около близких мне, да что там – когда-то любимых мною существ, целый пласт жизни был связан с ними, и какой жизни! Мы вспоминали всё новые подробности нашей молодого чистого житья-бытья и отчётливо понимали, что мы тогда были счастливы, даже и не подозревая об этом...

Днём, когда мы выспались, мы собрались поехать на открытие выставки. Мой друг был художником, те, кто в своё время приехал из СССР, держались вместе, помогая друг другу, устраивая какие-то интересные встречи, создавая профессиональные сообщества. Так что Игорь давно уже состоял в таком объединении художников. Он и на жизнь зарабатывал тем, что рисовал портреты на улице, благо что в этой южной стране тепло было круглый год, и туристов всегда было навалом. Незаметно шло время, на эти деньги кормилась вся семья, рос сын – талантливый компьютерщик. Он в этом году заканчивал школу (здесь надо было учиться 12 лет) и собирался идти в армию – это было обязательно для всех молодых людей этой страны, которая была со всех сторон окружена плотным кольцом вражеских стран, многие го-

рода постоянно обстреливались, а терроризм здесь был просто заурядным и частым явлением.

Но на выставку я так и не попала, потому что пригласившая меня мадам начала настойчиво звонить и говорить, что пора бы мне уже прибыть к ней. Ехать мне к ней ужасно не хотелось, предчувствия меня никогда не обманывают. Подсознательно я уже знала, что всё это добром не кончится. И когда нечаянно сам собой включился телефон, и мы услышали жуткие истерические рыдания этой особы, мои друзья стали уговаривать меня остаться у них. Но я сочла, что это всё-таки довольно неприлично – проигнорировать пригласившего меня человека, и поехала туда, не думая о том, какие нехорошие вещи могут меня там ожидать. В конце концов, я ведь всегда могла вернуться в гостеприимный дом своих друзей...

Конечно, ничего хорошего из этой поездки не вышло, надо всегда слушать свой внутренний голос, предостерегающий от разного рода неприятностей. Но я человек далеко не трусливый, напугать меня чем бы то ни было после всего, что я в этой жизни испытала, очень трудно, да скорее даже и невозможно. И я бесстрашно села в очень комфортабельную электричку, ехать надо было больше часа, я вышла на нужной станции, где мне пришлось очень долго ждать. Но в итоге ко мне подошёл молодой мужчина и сказал, что отвезёт меня в городок, где жила эта женщина.

Дальнейшие три дня не поддаются описанию. Боюсь, что я

сильно шокирую моих читателей, если напишу о своих мытарствах подробно. Уехать сразу я не могла, так как попала на конец недели, а в этой стране в это время жизнь просто замирает, перестаёт работать весь транспорт и всё на свете. Нам этого не понять – у нас всё устроено пусть чем-то хуже в плане качества услуг, но зато они непрерывные...

Нет, голодной я не сидела. В первый же вечер меня накормили шикарным обедом, только я сразу почувствовала что-то не то в атмосфере этого дома. Дочь почти не разговаривала с матерью. Ну, в конце концов, в любой семье не всё бывает гладко...

На следующий день позвонили из дома престарелых и сообщили, что скончался бывший муж женщины и отец её дочери. Тут уж совсем стало не до гостей. Предстояли похороны и поминки, я даже немного помогла каким-то своим небольшим участием – помыла пол, ещё что-то сделала по мелочи. На поминки собрались немногочисленные люди, имеющие какое-то отдалённое отношение к умершему. Недоброжелательная дочь решила обвинить меня в плохом поведении на поминках – якобы я «пила водку стаканАми». Это было полным враньём, но ей хотелось доказать матери, что она поступила очень неправильно, пригласив в дом какую-то неизвестную тёмную личность, оказавшуюся, к тому же, беспробудной алкашкой, а может, ещё и воровкой и Бог знает кем.

Женщина не давала мне покоя 24 часа в сутки. Она рас-

сказала про все события, которые с ней произошли за всю её длинную жизнь и которые были мне совершенно неинтересны. Я с тоской думала о том, когда же можно будет отсюда смыться, чтобы не показаться невежливой. Потом вдруг ей пришло в голову, что я на неё обиделась непонятно за что (это я уже в открытую сказала, что уеду, как только будет можно). И она стала обвинять меня во всех грехах – что я всех считаю говном, а себя – совершенством, что это якобы видно даже из моих произведений. Самое неприятное было даже не то, что она всё время истерила и пыталась даже нахамить, а унитаза, который обильно сверкал капельками мочи, и ещё она почему-то постоянно забывала его сливать. А я в последнее время стала совершенно не переносить такие вещи и всякие запахи... И не знаю, что я могла сделать ей такого, что она вдруг заявила, что я наверняка когда-то была пациентом психушки. Видит Бог, я очень старалась не показать, как неприятно мне находиться в доме, где люди так недоброжелательно относятся друг к другу! Она рассказала мне, что дочь опустилась даже до рукоприкладства и избивала её. Во всяком случае, в последнюю ночь было слышно, как та орёт на своего сожителя, и что-то громко падает. Но я обладаю счастливым свойством засыпать при абсолютно любом шуме.

Утром мне пришлось бы топтать с тяжелой сумкой очень далеко, через несколько улиц на остановку автобуса, но сожитель сжалился надо мной (по-моему, он вообще был

самым нормальным человеком из этого семейства психопатов) и отвёз меня туда, тем более, что ему всё равно надо было отвезти ребёнка в садик.

И я опять присоединилась к своим друзьям, которые были очень рады моему скорому возвращению. Я прожила у них целую неделю, и они так трогательно заботились обо мне, предвосхищая каждый мой шаг!

Эта страна начинала мне нравиться всё больше и больше. Дело в том, что лет десять назад я имела неплохой доход и моталась по всему миру. Но везде я почему-то чувствовала себя ужасно неуютно, даже не могу сказать, почему. Всё время возникало такое ощущение, что всё вокруг чужое, неуютное, мне нигде не нравилось, хотелось быстрее уехать из самых прославленных уголков нашей планеты, куда туристы стремятся огромными толпами. А тут мне вдруг сделалось хорошо и спокойно на душе. Люди вокруг были какие-то доброжелательные, возникало странное ощущение, что они готовы прийти на помощь, что бы со мной ни случилось. Может быть, это было обманчивое впечатление, я не знаю, но я ходила по улицам, испытывая удовольствие, голова, как ни странно, совершенно не кружилась, как дома, и чувствовала я себя почти здоровым человеком – этого не было давным-давно. Я даже рискнула поехать на экскурсию на весь день, ведь не посетить место, откуда пошла вся наша человеческая цивилизация, я не могла.

И вот я в этом чудовищно старинном городе, история

которого насчитывает несколько тысячелетий. Я их почувствовала всем своим существом. Я вдруг представила, как здесь сменяли друг друга многочисленные поколения, как они здесь жили, строили здания и стены из белого камня, сверкающего на солнце, как оборонялись от многочисленных врагов, пытающихся захватить этот славящийся своими богатствами город (одни только крестonosцы много веков совершали сюда опустошительные набеги, не говоря уж о разных там турках и прочих воинственных народах!). И, наконец, именно отсюда пошла религия, которая существует уже два тысячелетия, именно здесь неподалёку родился её основатель, который тщетно призывал злобное агрессивное человечество стать другим, «возлюбить ближнего своего». И здесь он шёл в свой последний путь, когда его безвинно казнили. Но Отец Небесный сжалился над ним, и он воскрес, и это чудо осталось в веках, в память чего каждый год происходит сошествие в храм небесного огня...

И для меня, в общем-то, большого скептика, не верящего ни в какие чудеса человека начала 21-го века, тоже было не всё так уж просто. Чудом было уже то, что я здесь очутилась...

Как не хотелось уезжать! И друзья были не против, они хотели, чтобы я пожила у них немного и отмякла сердцем и согрелась душой. Но я не могу обременять людей, моя дурацкая щепетильность переходит все разумные пределы. Дальше мой путь лежал в страну, в которой я в своё время была

несчётное число раз и по-своему очень её любила. Перево- рошив весь интернет, я поняла, что самолётом улететь мне не удастся – билеты стоили столько же, сколько у меня име- лось в наличии денег (почему-то я пустилась в путь очень необдуманно, много чего сделав абсолютно неправильно, не дожив в жилище, которое я очень дорого снимала, почти месяца, одноклассница, обещавшая помочь деньгами, засла- ла их не туда, женщина, которая хотела выслать мне неболь- шую сумму, тоже совсем не торопилась). И я долго, несколь- ко часов, тряслась в автобусе (благо страна маленькая, в Рос- сии вообще не ездят на автобусах далеко, а Штаты я одна- жды пересекала из конца в конец трое суток – думала, с ума сойду!).

И меня все пугали переходом границы, ведь эти две стра- ны давно уж враждовали между собой, как лютые враги. К тому же, в стране, куда я собиралась чуть не на постоян- ное жительство, полыхала революция. Да и то обстоятель- ство, что сейчас было зимнее время года, которое не очень- то жалуют всяческие туристы, тоже сыграло мне на руку. Вы не представляете – по этому переходу я шла одна, если не считать какого-то странного мужика, которого задержали сразу же. Я всегда выгляжу абсолютно положительно – разве может быть наркодилером или террористкой пожилая сим- патичная тётя?

Поэтому переход этой так называемой «границы» осуще- ствился без сучка и без задоринки в течение считанных ми-

нут. Не успела я опомниться, как меня сильно облегчили (и при выходе и при входе) в плане денежных знаков, как уже и выпроводили вон, совершенно не заинтересовавшись целями моего пребывания в стране, которую я покинула, и уж тем более никому не было интересно, что я буду делать дальше. Понятно, что скоро здесь наступит весна, будет очень жарко, и начнётся отличная жизнь, в которой совершенно ничего не нужно, кроме как нежиться в тёплом море, спасаясь от горячего африканского солнца...

Ах, эта ложка дёгтя в таком замечательном путешествии, гладко катящемся просто как по проложенным кем-то рельсам! Буквально полчаса назад ушёл последний автобус, и ничего не оставалось делать, как отдать бешеные деньги неизвестному черномазому парнишке, который запросто мог завести меня в ближайшие скалы и отобрать всё, что я имею, и, может быть, даже на прощанье стукнуть меня по моей легкомысленной башке и зарыть мой трупик в песочек. Но парнишка вёз меня долго-долго и в итоге всё-таки привёз куда надо, хоть по дороге несколько раз пытался закинуть удочку насчёт нашего совместного «приятного времяпрепровождения», хотя я годилась ему в бабушки, уж точно не меньше. Но почему-то этому народу всё равно, с кем предаваться любовным утехам – с восемнадцатилетними или с шестидесятилетними, возраст не главное, важно, что это будет «белая леди». Ну что ж, о вкусах, как говорится, не спорят...

И мы два часа провели в приятной беседе, если это можно

так назвать – ни он, ни я не знали английского, но выяснили при этом множество важных вещей вплоть до международной обстановки. Я в своей жизни миллион раз общалась с существами из другого мира (а разве есть что-то общее у меня с, например, моими деревенскими соотечественниками? Я для них точно такая же марсианка, как и для этого чужеземного паренька), поэтому опыт по части налаживания контактов с кем бы то ни было у меня богатейший. Паренёк явно был доволен – привалило целое богатство (на фоне полного отсутствия туристов), да ещё с такой интересной тёткой пообщался, можно сказать, расширил свой кругозор!..

А пейзаж вокруг и правда был марсианский: невероятных форм высокие фиолетовые горы и груды совершенно красного песка. И как это голливудские режиссёры не освоили эти места для съёмок каких-нибудь фантастических фильмов о других планетах, это же смотрится абсолютно правдоподобно! А по дороге сюда не выглядели экзотикой даже многочисленные леса, состоящие из одних пальм. Ну и что, у одних – берёзки, а у других – пальмы... Каждому, как говорится, своё...

И вот, наконец, мой промежуточный пункт, в котором я должна провести ещё какое-то время, прежде чем попаду в город, являющийся конечной целью моего длинного тяжёлого путешествия. Убогое, довольно грязненькое, захудалое местечко, отельчик тоже не Бог весть что, но с моими финансами было бы смешно претендовать на что-то лучшее. Надо

сказать спасибо уже за то, что я ночую под крышей и в постели, мне ведь приходилось и в палатке жить (на берегу Азовского моря), когда у меня не было ни гроша, я была полуголодной, но никогда ни на что не жаловалась... А зато впереди столько замечательного, одно Красное море – лучшее из морей на этом свете! – чего стоит! Я ведь никогда и думать не могла, что ещё хоть раз зайду в его необыкновенные прозрачные воды... И вот я здесь!

Твоя судьба тебя ведёт

Всё на Земле преходяще. Слава, богатство – во имя которых чего только не делает человек: не задумываясь, преступает все законы, все нормы морали, плюёт с высокой колокольни на добро и порядочность – что они такое? Да ничто! Богатство вам не пригодится уже через несколько десятков лет, когда вы будете на том свете. А слава – ну кто, например, будет помнить какую-нибудь там Донцову лет через пятьдесят? Слава вещь очень относительная: сегодня она есть, завтра тебя забыли.

А как же Моцарт, Бетховен, Пушкин, Шекспир, Достоевский, Лев Толстой, наконец – спросите вы. Да, мы всё ещё их помним и заслуженно восхищаемся их бессмертными творениями. Но времени-то прошло не так много, для Вечности мы практически их современники! Пусть их слава просуществует для человечества ещё несколько веков – я совсем даже не против! Хотя надо признать, что уже сейчас среди новых поколений они совершенно непопулярны. Но Бог с ни-

ми, с этими безграмотными и необразованными поколениями, для которых предел мечтаний и умственный потолок – это жалкие компьютерные «стрелялки». Я про другое.

Ведь поверьте – жизнь будет далеко не всегда. Нам может прийти конец очень скоро, а может – через тысячелетия. Мы не узнаем этого никогда, бесполезно делать какие-то прогнозы. Но надеяться, что человечество будет, как бы это помягче выразиться... (нет, ничего не приходит в голову приличного!) вечно обсирать этот прелестный шарик – крайне самонадеянно. Правда, человек наделён, помимо других резко отрицательных качеств, очень неслабой манией величия и ни за что не признается в том, что он всего лишь жалкое ничтожество, отвратительный маленький комочек вонючей смертной плоти.

Но жизнь когда-нибудь закончится, это понятно каждому мыслящему индивидууму. И тогда... представьте: нет больше человека с его веками накопленными знаниями, с его разнообразной культурой, главной частью которой является искусство, даже религия, которая учит нас, что в мире существуют Высшие Ценности – Бог и ангелы, вечная загробная жизнь для праведников (которых, увы, на Земле, наверное, единицы!) в раю, а для многих-многих миллиардов грешников, понятно – на сковородочках в обществе неприятных типов с рогами и копытами, даже она прекратит поставлять «опиум для народа»! А ведь кажется такой вечной – вроде бы, она сопровождала человека в его нелёгкой жизни

чуть ли не от первобытных пещер (а впрочем, чёрт его знает, кому они тогда молились – когда хочешь жрать и по-страшному боишься молнии и каждую минуту тебя запросто может скушать какой-нибудь саблезубый тигр – будешь вынужден молиться любому пню! Религия явно развилась из страха).

Вообще, человеку было страшно всегда! Чего только он ни боится! Да и как не бояться, если знаешь наверняка, что с неумолимой точностью наступит такой момент, когда ты будешь хрипеть на смертном одре, и ничто – ничто! – тебя не спасёт! Конечно, можно жить не тужить, отгоняя от себя такие глупые мысли, глупые – потому что от них ничего не зависит, думай не думай, а конец наступит! И глупо тратить и своё время. и свои мыслительные способности только для того, чтобы это усвоить. И вообще, в жизни есть занятия поинтереснее, чем думать о том, на что ты ни в коей мере повлиять не можешь. Вот только непонятно, почему такая большая часть человечества свела все свои интересы к одному: выпить и закусить (а иногда и без закуски – брррр!)?

Но, как говорится, вольному воля, каждый выбирает себе занятие по душе. А иногда и наоборот – занятие выбирает тебя. Жизнь – это большой такой водоворот, и несёт тебя со всей страшной скоростью в омут, где ты канешь без следа. А тебе кажется, что ты попал в стоячее болото, что ничего, в общем, особенного и не происходит – каждый новый день похож на предыдущий. Но это оптический обман, это дале-

ко не так, просто в повседневной жизни нам не дано этого увидеть и почувствовать.

Начнём танцевать от печки – с твоего детства. В этом мире – он так коварно устроен – тебя подставят и не посмотрят, что ты невинная маленькая девочка, безгрешное создание. Что ты совершенно ничего не знаешь о безмерной людской подлости и ещё долго-долго будешь верить всем на свете, а этим будут всю пользоваться. И после того, как тебя запятнают, на тебе будет лежать позорное клеймо. А ты не сможешь никому объяснить, что ты ни в чём не виновата. Да и непонятно, в чём конкретно тебя можно обвинить, но идут всяческие тёмные пересуды, этот гнусный шепоток будет сопровождать тебя до тех пор, пока – человеческая память слаба, навечно в ней ничего не задерживается, даже какие-то значительные события быстро испаряются из неё и уступают место новым дешёвым сенсациям – ты не начнёшь всех слегка озадачивать своими странными способностями, о которых обыватели этого сонного городка никогда и слыхом не слыхивали.

У тебя феноменальная память, и когда тебе читают что-то вслух, ты запоминаешь это навсегда, каким бы ни был объём читаемой книги. Ты и сама давным-давно умеешь читать – с младенчества, и никто не успел заметить, как ты этому научилась, такое впечатление, что ты с этим родилась. Выясняется, что ты (а тебе ещё нет четырёх) знаешь наизусть всего «Евгения Онегина». Никто даже особо не удивляется – по-

думаешь, у детей ведь механическая память, они запоминают всё машинально, не думая.

Но тут явно что-то другое, а впрочем, никому до этого нет совершенно никакого дела. Всего десять лет назад кончилась кровопролитная война, жить тяжело, страна только-только пришла от хаоса и разрушения всего на свете к какой-то относительной стабильности. Но большинство живёт практически в нищете. Жизнь налаживается очень медленно, впереди у людей только надежды на хорошее будущее, на то, что наконец-то можно будет работать, любить, рожать детей и не думать о том, что мир может погибнуть, хоть в нём всё равно очень беспокойно.

Уже в четыре-пять лет ты превосходишь своим развитием не только сверстников, но и, пожалуй, многих взрослых. В школе тебе, в общем, и делать нечего, но ты, как положено, ходишь туда все долгие десять лет. Тебе там скучно, но сделать ничего нельзя. Но это не бесполезно проведённые годы – за это время ты прочитала всю мировую и, конечно же, русскую классику.

И твоя непохожесть на всех поначалу не принимается в штыки – всё списывается на юношеский максимализм, на то, что в молодости все мы бунтари, вроде как молодёжи и положено «ниспровергать устои». А ты приходишь в ужас от окружающего тебя мира. Он стоит на одной только лжи. Ложь и лицемерие проникли повсюду в человеческие отношения, они царят в жизни общества как единственно воз-

возможные, единственно приемлемые... Тебе страшно, но надо жить дальше, а самое главное – надо выбрать свою дорогу, надо учиться, приобретать специальность, становиться самостоятельной.

А ты – ярко выраженный гуманитарий, но в этой области царит просто беспросветная коммунистическая пропаганда, которая способна оболванить любые, даже самые крепкие и устойчивые ко лжи мозги. Ты поступаешь в вузы легко, почти играючи, пройдя бешеные конкурсы, но учиться в них у тебя не получается: на свою беду ты родилась личностью, для которой невозможно даже малейшее отклонение от истины. Ты не признаёшь ни сделок с совестью, ни уступок хоть маленькой, самой невинной грязи.

Наконец, ты вроде как определилась с будущей профессией: ты хочешь стать искусствоведом, потому что перечитала кучу книг по искусству. В одной из двух библиотек твоего маленького захудалого городишки даже нашлась знаменитая среди искусствоведов всего мира книга Джона Ревалда об импрессионистах! И после долгих передраг, случившихся с тобой, наивной вороной с белоснежными крыльями (чем не ангел во плоти?), «на заре туманной юности» ты попадаешь в славный город Питер. Там тебя, конечно, не ждали – а впрочем, как сказать! Ты выдерживаешь несусветный конкурс в институт Репина (у нас ведь полстраны хочет быть артистами, художниками, писателями – ещё не наступила эпоха, когда молодёжь начнёт активно пополнять ряды банди-

тов, проституток, рэкетиров, киллеров) и начинаешь постигать азы искусства, которые, впрочем, давно тебе известны.

Но тебе не суждено стать компетентным критиком, бойко разбирающимся в эпохах, стилях и их творцах. Вмешивается житейский фактор – ты влюбилась по уши, и для тебя перестало существовать всё на свете. А мужчинка того совсем не стоит. Но это делается понятным намного позже. И вот тебя выгоняют из института за неуспеваемость – тебе ведь совсем не до учёбы, ты безумно обожаешь своего маленького еврейчика с огромными глазищами Иисуса Христа. Но вскоре тебя выгоняют и из его дома. Его папочка, профессор юриспруденции и друг Анастасии Цветаевой, не сошёлся с тобой во взглядах на основополагающие принципы бытия, и ваши жаркие философские дискуссии закончились вот таким вот плачевным для тебя образом...

А ты беременна. И ещё умудрилась попасть в больницу (тебя привезли без сознания с улицы), где тебе срочно сделали тяжёлую операцию. Всё за то, что тебе этот ребёнок не нужен. Но ты сошла с ума и с пеной у рта доказываешь Господу Богу, что он тебе необходим, как воздух. Что без него ты просто не останешься на этом свете.

Ты любишь воевать с Богом, это твоё самое любимое занятие в этой жизни. И он, с сожалением вздохнув, подчиняется твоим капризам. А ведь он знает, как будет лучше для тебя! Но ты закусила удила и несёшься в пропасть, как сумасшедшая лошадь.

Худо-бедно, но ты «поднимаешь» своего ребёнка, совершенно одна, безо всякой помощи извне, а впрочем, не так уж худо – хоть вначале и бедно. А потом жизнь преподносит тебе большой подарок: у тебя появляется подруга, которая старше тебя почти на тридцать лет. И как приятное приложение, из ничего возникают довольно большие деньги, которые ты тратишь на образование дочери и на многочисленные поездки за границу.

И так проходят долгие годы. Ты живёшь, как во сне, не думая ни о чём, тем более, о будущем. Мысли о нём тебя не посещают никогда: это так здорово – жить настоящим!

Тебе ничего не надо. О хлебе насущном думать не приходится, дочь растёт, учится, проблем с ней нет совсем – она умница, и вы понимаете друг друга с полуслова. И ещё рядом человек, который тебя устраивает и в плане интеллекта, и во многом другом, и интересов у вас много общих, и ты совершенно не чувствуешь своего бабьего одиночества.

Потом – бац! Везение кончилось, и начинается чёрная полоса. Она такая чёрная, что чернее, наверное, не бывает. А впрочем, если сравнивать с другими, может, не так всё и ужасно? Видимо, Богу надоело всё время тебе угождать и подстраиваться под твои вечные прихоти, и он выдал тебе сразу за всё, чтобы мало не показалось.

И тут у тебя вдруг открывается второе дыхание. Ты всегда была человеком азартным. Но ты ещё не знаешь, что силы твои и неведомой судьбы – неравны. Ты легкомысленное су-

щество и не хочешь понять сущей безделицы: судьба побеждает человека всегда! Ей это ничего не стоит. И как бы человечишка ни хорохорился и не выпендривался, его всё равно нагнут и опустят так же грубо и бесцеремонно, не испытывая никакой жалости, как в тюрьме уголовники опускают почти любого, кто не согласен им подчиняться.

Но это хотя бы судьба, это то, что выше нас всех, и получать от неё оплеухи не так обидно. Обидно другое: человеческое общество устроено по принципу животного стада – люди безошибочно чувствуют, когда кто-то слаб и беспомощен и не может как следует себя защитить и дать сдачи обидчику. И пытаются клевать его по полной программе, потому что лишены не только благородства и великодушия, которое бывает даже у животных, но и элементарной доброты. Это очень редкое качество среди людей, ведь им не жалко даже себя...

Конечно, ты не специально была не такой, как все. Если бы тебя спросили, ты бы истошно закричала: «Хочу быть такой, как все!» – потому что быть совсем другой это каждодневная утомительная каторга. Но тебя вообще никогда ни о чём не спрашивали. Тебя ставили перед фактом. Кто ставил? Да эти самые Высшие Силы, которые придумали этот длинный эксперимент с нами, беспомощными тварями. Никто никогда не задумывается: а зачем оно всё? А тебе ведь делать нечего, ты и мыслишь. Следовательно существуешь, а як же ж! А жила бы проще, думала б о том, как поесть-по-

пить, одеться-обуться. А тебе это пофиг. Ну прямо птица небесная – не жнёт, не сеет...

А остальные-то трудятся в поте лица. Им мало, как тебе, почти ничего не иметь. Они хапают, хапают, пока не проходит их жизнь, и вот уже благодарные детки и внуки, для которых они и стараются, спихивают их куда подальше с глаз долой. Иногда, правда, ходят, продукты приносят – но разве от этой заботы легче становится? Да нисколько! Давит груз прожитых лет, пережитых бед, и к старым болячкам прибавляется сто новых. Но подлец-человек – приспособливается решительно ко всему. Вот закинь его на Марс – он и там выживет, по части выживаемости он не уступит даже таракану или крысе. А пожалуй что и превзойдёт! И правда, жаль, что никогда не узнаем, кто такого прочного состряпал. А главное – для чего, для какой-токой надобности?

Ну ты не одна такая на свете, конечно, бывает и покруче. Вот, например, запала почему-то в память девяностолетняя старушка, ничего в ней такого особенного не было, но мыслила она очень правильно: в этой жизни иметь надо только чашку и ложку, остальное уже излишество ненужное. Это она под конец жизни к такой философии пришла, раньше, наверное, пахала вовсю – доченьку в люди выводила. А доченька отключила все телефоны, когда мать помирала, и ей трезвонили из больницы, что она хочет её видеть. Расстраивать себя не желала, а зачем? Мамаша всё равно помрёт, пора ей, зажила...

Похоже, и ты придёшь к своему концу с одной только чашкой и даже без ложки. Ну и ладно, ну и слава Богу! Как много народу задавало тебе этот замечательный вопрос: «А что ты сделала для человечества?» А ничего не сделала – и делать не собиралась. Это поганое человечество не заслужило подарков хотя бы только потому, что оно обладает странной способностью всё что угодно обращать во вред ближнему. И к тому же оно неблагодарное до предела. Ну разве только верующие благодарят боженьку за то, что существуют на этом свете. Как там – «иже еси на небесех»...?

Да, не стоит голову ломать над тем, что неразрешимо по определению. Просто живи, и всё, не мудрствуя лукаво. Дыши. Гуляй. Наблюдай, как сменяются времена года. Нет, неймётся. Выпендриться надо. Вот за это и страдаешь, ежу понятно. А кому что хочешь доказать, болезная ты наша? Ой, не смешила бы ты людей! И что ты от них хочешь? Ну не могут они тебе это дать! Они заняты собиранием сокровищ на земле. Материальных. Это очень серьёзное и нужное занятие. А ты прыгаешь с ветки на ветку и чирикаешь. А люди важным делом заняты! Не тебе чета!

И главное, не поймут они тебя. Что осудят и оскорбят – это как раз не страшно. А страшно то, что до них никогда – никогда! – не дойдёт бесплотный этот свет, почти как лунный – призрачный, мистический, свет Истины, которую прозревали во все века изгой, за которую были они гонимы толпой, побивающей их камнями.

Но давай ближе к теперешней ситуации. Твоя жизнь ещё не прошла. И не то что еле-еле теплится лампадка – нет, горит в душе костёр, летят искры во все стороны, в огне сгорают все сомнения... Ты знаешь, что живёшь правильно, тебя не убеждают все эти многочисленные разговоры и советы обывателей – мол, надо то, надо сё. Ничего тебе от них не надо. Тебе своё надо – то, что им вовеки недоступно...

И чего ж ты хотела от людей? Да ничего такого особенного – чтобы тебя любили. А тебя не любил никто (собаки и старенькая прабабушка не в счёт). Ну вспомни – может, всё-таки, ты ошибаешься?

Нет, память у тебя острая, как в детстве, и не подводит никогда. Ты не забываешь даже то, что следует забыть и не вспоминать под страхом смертной казни. Память доставляет тебе много мучений. Это Святослав Рихтер сказал: «Я не забываю никогда и ничего». Так и ты, и когда-нибудь она тебя просто испепелит – например, ты не можешь спокойно вспоминать, как мучила пса перед смертью операциями, в надежде, что это его спасёт, а надо было сразу понять, что псу конец, и усыпить, чтобы не мучился... Когда всплывают картины того, как глупо ты боролась за его уже пришедшую к своему пределу жизнь – глубокой ночью, в метель, со сломанной ногой (твоей, а не пса) тащила его, огромного, чуть ли не на себе, в ветеринарку, когда у него после первой операции началась страшная аллергия на нитки, и он явно не дожил бы до утра – ты начинаешь буквально скрежетать

зубами. И во всём ты была такая – настырная. А бабушка умирала от рака два долгих года? И вот наступил её последний день – жить там было уже нечему, а ты всё бегала вокруг и пыталась влить ей в рот какие-то порошки и микстуры...

Ну – дура. Вот так и жила, совершая ошибку за ошибкой. Может быть, потому, что притворяться раньше совершенно не могла, это сейчас немного научилась лицемерить и не показывать никому, что ты о них думаешь. А зачем? Иисус Христос пришёл к ним – и ничего в них не исправил, а ты кто такая, чтобы пытаться переделать бракованный материал? Из говна – конфетку сотворить? Извращенцев сделать адекватными, этого ты жаждешь? Да не хотят они быть другими, уймись!!!

Они такие, какие они есть. И ты такая, какая ты есть. И держись от них подальше. И чего ты к ним пристаёшь со своими проповедями, чего липнешь и лезешь к ним со словами, в которых они совсем даже не нуждаются? Ты не заметила разве их полного равнодушия? Ты хочешь их разбудить, разбередить, да? Нечего там будить, там глухо... Их души пусты.

Короче, отстань от них. Им нужно хлеба и зрелищ, а не твоих интеллектуальных игрищ ума. Побольше хлеба и мяса и самых грубых зрелищ – вот такое они понимают. Что-нибудь чрезвычайно примитивное: если музыка – то бум-бум-бум, если жратва – то пиво с отравленной колбасой под сигарету. А ты – Моцарт, Бетховен... не смешила бы

свои рваные тапочки. Ну не виноваты они, что их примитивными создали!

Такие, как ты, никуда не годятся! Ну вот куда тебя при- ткнуть – ты подумай? Ты нигде не придёшься ко двору. Ты не умеешь хвалить самовлюблённых идиотов, не умеешь подстраиваться и поддакивать, не умеешь быть простой и доступной. А то, что ты можешь душу свою отдать первому встречному, которому она вдруг понадобилась бы – это, конечно, ценно, очень ценно, да только никому твоя душа так и не понадобилась. Никогда.

Так что заткни свои прекрасные качества знаешь, куда? И никогда их не демонстрируй на публике. А впрочем, ты давно уже поняла, что, имея эти прекрасные качества, сильно в жизни не преуспеешь. Скорее, наоборот.

И вообще – непонятно, как ты только ещё не сдулась? Это ж сколько в тебя энергии забросили при выталкивании тебя из вечной нирваны в этот земной кошмар? Даже не верится, что она у тебя (по всем признакам) скоро должна иссякнуть.

Единственное, что ты усвоила стопроцентно: что в этой жизни нельзя расслабляться буквально ни на секунду. Это всё равно, как если бы ты попал в реку, кишашую крокодилами. Ты должен плыть быстро-быстро и ловко лавировать между мерзкими тварями, иначе они сначала откусят тебе конечности, а потом и совсем сожрут. А напрягаться тебе было тяжело даже в молодости – характер ты имела меланхо-

личный, мечтательный, и постоянно думать о чём-то плохом – это была для тебя невыносимая нагрузка на психику, ты расслаблялась, сама не замечая этого. Ты категорически не могла всё время думать о том, что тебя надуют, предадут, сделают тебе пакость. А между тем это происходило очень часто – ты получала в морду именно от тех, от кого меньше всего этого ожидала. Разумеется, фигурально, но неизвестно, что хуже.

О предательстве родных и друзей ты могла бы написать целую докторскую диссертацию. Такое в твоей жизни случилось очень часто. Может быть, ты была каким-то очень для этого подходящим объектом, или просто так устроено большинство? И ведь не зря вся наша православная религия пошла именно от этого поступка – не предай Иуда Христа, его не приколотили бы к кресту, возможно, он как-то сумел бы избежать этой ужасной участи, и мир стал бы развиваться совершенно на другой основе. Конечно, история не имеет сослагательного наклонения, всё шло так, как единственно могло бы происходить, без вариантов, ведь кто-то, кто создал этот мир, пожелал создать его на условиях строгой детерминированности.

Вот и твоя судьба была, видимо, предопределена уже в момент твоего рождения, только тебя забросили в совершенно неподходящее для тебя место. Тебя не наделили самым главным, что требуется для выживания здесь – психологическим умением приспосабливаться к окружающей среде. Но, с дру-

гой стороны, тебя, не умеющую плавать в мутном и грязном потоке, безжалостно бросили в него, как беззащитного щенка, и ты не потонула, хотя очень многие, гораздо более толстокожие и защищённые из твоих знакомых давно уж оказались на том свете даже без таких серьёзных драм, которые пережила ты. А ты всё живёшь, хотя и кажется каждый раз, что ты верный кандидат даже пусть и не на тот свет, но уж как минимум в психушку или в грязный подвал. Но этого не случилось по сей день, и ведь очень интересно, в чём тут причина. Вокруг спиваются, заболевают смертельными болезнями, теряют человеческий облик, становятся подлецами, мерзавцами и готовыми на всё ради лишнего куска, ради лишнего рубля. А ты живёшь, как будто тебя не касается вся эта грязь, а ты ведь ходишь совсем не по облакам.

И никак не понять, в чём твоя сила и неуязвимость для всего того, на чём легко ломаются и более с виду крепкие товарищи. И находилось очень много желающих понять твой феномен или, говоря на современном сленге, в чём тут фишка. Да ты и сама никогда не могла понять этого – что уж тут говорить про других! А ведь сколько раз ты стояла на краю самой страшной пропасти, практически ты уже туда летела... Но каждый раз что-то тебя возвращало на грешную землю. И ты никогда не знала – то ли благодарить за этот дар (а главное, кого благодарить-то?), то ли сожалеть, что твои мучения никак не могут закончиться. Всегда у последней черты тебя подхватывал какой-то незримый ангел и с по-

мощью совершенно посторонних тебе людей отводил тебя от неё, и всё начиналось сначала.

И ты вызывала всегда совершенно полярные реакции у тех, с кем по жизни сталкивалась, пусть даже это были какие-то мимолётные встречи. Либо тебя любили по-сумасшедшему, либо терпеть не могли и старались сделать тебе побольше чего-нибудь гадостного, и было такое впечатление, что эти последние и рады бы оставить тебя в покое, но ты их так крепко зацепила за живое, что они не могли успокоиться и забыть тебя навек. А ты удивлялась тому, что из них бьёт фонтаном душевное дерьмо, потому что сама ты не была способна испытывать такие сильные эмоции по отношению к кому бы то ни было. Просто ты считала, что нет на свете людей, из-за которых надо с ума сходить. Правда, и ты не осталась равнодушной, но всего лишь в двух случаях из очень многих. А всё остальное общение с множеством встреченных по жизни людей прошло спокойно и внутри почти бесстрастно, несмотря на какие-то внешние бури. Но ты быстро забывала тех, кто причинил тебе зло – ценное качество для этой жизни, не правда ли? А иначе ведь невозможно было бы жить и даже довольно часто получать от жизни удовольствие – не так уж она и бедна на них, если не быть привередой...

Ну почему всё, что бы ты ни делала, шло вразрез с принципами большинства населяющих этот мир? Ты просто напрочь не выносила всего, что исходило от этого самого

большинства – всей этой нестерпимой дешёвой пошлости, отпечаток которой лежал на всех их действиях, желаниях и стремлениях, всех их отвратительных привычек (что стоила только такая мерзостная привычка миллиардов, как курение, которым они отравляли не только себя, а всю окружающую среду), а то, чем они услаждали свои неприхотливые запросы по части «искусства»? Это же вообще было чудовищно по степени крайнего примитива и самой низкопробной безвкусицы!

Ну и что? А вот всем остальным это нравилось. И никакой другой «духовной пищи» они не хотели. Им просто-напросто нечем было хотеть – у них отсутствовали для этого соответствующие мозговые нейроны, ибо устроены эти люди были топорно, по образцу простейших роботов: «вход-выход». На входе Филипп Киркоров – на выходе он же. А внутри – вакуум.

Когда мы видим перед собой маленького ребёнка, мы думаем о том, что он не всегда останется маленьким и глупеньким – это закон жизни: ребёнок вырастет, по мере роста он будет приобщаться к знаниям, которые накопило человечество за своё долгое пребывание на Земле. У маленького человека есть огромная, пусть и потенциальная, возможность реализовать самые важные свои потребности в духовной пище, свои самые смелые начинания в чём бы то ни было – в науке, искусстве, даже просто в повседневном быту – ведь люди век от века делают его всё более комфортным и удоб-

ным для проживания.

Но вот ребёнок вырастает, единицы действительно оправдывают возложенные на них надежды родителей и школьных учителей. А все остальные остаются балластом, не принесшим пользы даже себе самим. Ведь для того, чтобы шло какое-то, даже самое небольшое развитие, нужен труд ума, а чтобы стать полноценным человеком в нравственном смысле, нужна очень большая работа над собой. Большинству лень прилагать усилия – они считают, что как-нибудь проскрипят и без каких-то утомительных упражнений. И подсознательно им кажется, что всё, нужное для жизни – чтобы прожить её без особых забот и хлопот – у них имеется с самого начала, как некая данность, подаренная уже при рождении. Да, нас снабжают какими-то талантами и способностями, но не в виде награды и приятного приложения к брюху, кишкам и анальному отверстию, а затем, чтобы мы бесконечно работали над собой. Как каторжники, не переставая трудиться, наверное, даже во сне (ведь мы знаем много случаев, когда именно во сне учёные совершали величайшие открытия, переворачивающие все прошлые научные догмы, или поэтам приходили откуда-то из потусторонних миров гениальные строчки, которые им оставалось только записать, проснувшись).

Ты пыталась думать, начиная с тех пор, как пришло осознание себя. Для этого ты вела дневник. Жалко, что ты никогда не дорожила тем, что исходило от тебя – будь то твоя

детская писанина, или стихи, которые ты начала писать, как и многие, в молодости, пока не была обременена ни заботами, ни детьми, пока принадлежала исключительно себе самой, и ничего не сохранила.

На тебя в этой жизни никто не претендовал, так уж получилось, что ты всегда жила «сама для себя», поэтому времени для всех твоих интеллектуальных изысков у тебя всегда было предостаточно. Единственно, кто пытался посягать на тебя, и даже капитально – это государство, которое считало всегда, что его граждане ему сильно чем-то обязаны. Мужчины обязаны понятно как – служба в армии и всякие трудовые повинности, но и от молодых женщин ему тоже много чего бывает надо. Но ты всегда как-то умела отвертеться от всего тебе ненужного и неприятного, исходящего от всяких официальных структур. Ведь в принципе нельзя заставить человека совершать что-то против его воли, если это идёт полностью вразрез со всеми его принципами и установками. А внутрь человека, слава Богу, ещё не научились залезать, твои мысли всегда принадлежали тебе одной. А вот на старости лет твоя хваленая моральная независимость от любого маразма и любых носителей этого маразма пошла псу под хвост, потому что однажды ты совершила беспрецедентную глупость, оказавшись фактически на улице...

И тут уж тебе пришлось терпеть чужое насилие над собой по полной программе. Вот когда ты хлебнула столько говна,

что любой другой, более слабый духовно человек, наверное, тихо повесился бы на первом попавшемся дереве. А ты обладала таким могучим внутренним сопротивлением этой грозящей поглотить всё чужеродное трясине, что из последних сил держалась как стойкий оловянный солдатик, но первой прогнулась не душа, а твой организм, потому что такой образ жизни был каждодневным над ним издевательством. Ты стала сильно хворать и даже в один прекрасный момент чуть не отправилась в дальнюю дорогу, откуда возврата не бывает.

Тебя некому было удерживать, в тебе совершенно никто не нуждался. А ты в своей жизни не дала туда уйти очень нужным тебе людям: твоей дочери, когда она родилась мёртвой, и твоей любимой подруге, которая несколько раз пыталась помереть, но ты её не отпускала, и умерла она только тогда, когда ты была далеко, на другом конце планеты, и ничего уже не могла сделать. Было у тебя такое редкое качество – совершать небольшие чудеса, хоть и считается, что чудес на свете не бывает. Но что мы знаем о чудесах и что мы знаем о самих себе? Мы – это величайшая тайна Вселенной, которая вряд ли будет когда-то разгадана.

...Итак, из тебя не получилось ни искусствоведа, ни переводчика, ни лингвиста. Правда, ты умудрялась прилично зарабатывать именно интеллектуальным трудом, и делать это было тем легче, что твоя зрелость пришлась на докомпьютерную эпоху, когда многие, получавшие образование в университетах и институтах, обучавшиеся в аспирантуре,

не могли сами изобразить что-то похожее на диплом или даже диссертацию – то есть, как минимум половина научных работников у нас – липовые. Ты писала всё это за них. Так что радоваться надо было, что живёшь в Стране Дураков, ни на что не годных – неудивительно, что она в итоге пришла к своему позорному краху. Правда, дураки оказались с большими способностями по части воровства и всяческого мошенничества. Они вмиг растащили всё, что можно было присвоить, и многие зажили вполне замечательно, иллюстрируя собой полную противоположность русской народной пословице «без труда не вынешь и рыбку из пруда». А потом пошла такая пруха в виде огромной цены на нефть! И все дураки, которые очутились в нужное время в нужном месте, стали миллионерами и даже миллиардерами.

А страна приказала долго жить. Её несчастному населению ничего не оставалось, как впасть в неслыханную деградацию. Всё было развалено до предела, но страна обладала такими нескончаемыми ресурсами, что грабить её можно было ещё долго. Пока что очень активно копошились мерзкие вши на огромном, ещё тёплом трупе...

Ты боялась только одного – что твой конец совпадёт с окончательным распадом страны, ведь ежу было понятно, что уже не осталось ничего здорового и жизнеспособного. Деградация захватила все сферы существования общества, от промышленности до науки и культуры. Невыносимо было наблюдать тем, кто любил свою Родину, для кого существо-

вали святые вещи, как её растаптывают безграмотные и безжалостные ублюдки, у которых не было ничего святого, кроме американского доллара.

Ты очень надеялась не дожить до апофеоза этого процесса, хотя уж куда дальше-то? Но агония затягивалась на неопределённо долгий срок, и эта отсрочка вселяла в людские души необоснованную надежду. Но ты-то знала, что конец неминуем. Когда-то, когда казалось, что коммунисты пришли на века, и правили они железной рукой – тогда все думали, что так будет вечно. А ты всегда говорила о том, что это скоро кончится. Многие боялись с тобой общаться – за такие взгляды легко было расстаться с жизнью даже в те годы, когда, вроде бы, после страшных массовых репрессий началось некоторое послабление для народа. И ты оказалась права на все сто процентов. «Учение Ленина непобедимо, потому что оно верно». И где оно теперь, это учение??? Его засунули в одно неприличное место, и оно сидит там тихо, не выглядывая и больше не пытаясь оболванивать и без того не слишком умных, но очень доверчивых граждан.

А эти самые граждане давно уже перестали доверять кому бы то ни было. Злоба от прозрения, что их имеют всю жизнь морально нечистоплотные личности, лишённые даже зачатков совести, грозила вот-вот перехлестнуться через край, удерживало, видимо, то, что все понимали, что кончится это массовым психозом и уничтожением всех и вся и вообще невиновных – а кто под руку попадёт. Но неизвестно

было, как долго продержится здравый смысл в головах у тех, кто всё равно активно вымирал физически и разваливался как целостная общность.

Ты всегда была трезвым человеком, аналитически оценивавшим происходящее, но никогда не имевшим ни малейшего желания ввязаться в активные действия, а ведь могла бы. Ты оказалась в самом центре событий, когда в Москве расстреливали парламент, вы тогда жили совсем рядом с Белым Домом, и всё это страшное действо проходило, можно сказать, у тебя на глазах. Не везло России на правителей, ох, не везло! Отвратительного алкаша-маразматика сменило какое-то полное ничтожество, собиравшееся узурпировать власть навечно. И ты, сидя много лет в интернете, наблюдала, как изо дня в день растёт народная ненависть к этому человеку. Его не костерыжил, наверное, только ленивый. Было ясно, что дело не кончится ничем хорошим. Всё-таки удивительно, что люди никогда не делают выводов из истории, она никого ничему не учит!

Твоя судьба была тесно переплетена с судьбой страны. Ты была одной стомиллионной частичкой этого бушующего людского океана, в котором подспудно начинала образовываться страшная волна, подобно той, которая непонятно по каким причинам стихийно возникает в настоящем океане и называется цунами, сметающем всё на своём пути и оставляющем после себя страшные разрушения и многомиллионные людские жертвы.

Видимо, так была устроена теперешняя человеческая цивилизация, прогресс которой достигался только через человеческие страдания. И такой построенный на костях прогресс никого не вёл на вершины Разума. Он гнал многочисленные людские стада – и тебя вместе с ними, потому что твоя отстранённость от общества была кажущейся, не настоящей – в НИКУДА.

Исповедь пожилого человека

Ну вот чем заняться пожилому человеку вечером осеннего дня? Совершенно нечем. Весь день сидел в скучном интернете. Он уже надоел, но делать-то абсолютно нечего... Пока стояло лето, жара (кстати, в этом году было вполне пристойно, не то что в другие годы – чуть не до 50 градусов временами доходило), ходил на пляж, как на работу. Каждый день. Тоже, конечно, скучновато, но всё-таки какое-то занятие... И вообще – полезно для здоровья, которое внезапно обвалилось – ни с того ни с сего.

А впрочем – и с того, и с сего. Сколько можно болтаться, как некая субстанция в проруби, ведь не двадцать уже лет. И даже не сорок... Охо-хо. Ведь и не заметил, как в деда-то старого превратился!

Ладно. Раз дед, будем соответствовать образу. Чайком, что ль, побаловаться? У меня тут где-то каркадэ завалился. Помню, в Египте заставлял моих спутниц – Зайкову с Лёлькой – сахар в ресторане воровать, ведь каркадэ только сладким пить можно. И лучше охлаждённым – арабы так и пьют

его в свою вечную жарю. Везёт же людям! Ну какого чёрта меня угораздило родиться «под снегом холодной России»? Нет, чтобы «под знойным песком пирамид»? Лёлька всегда смеялась над моей ужасной мерзлячеством – «а ещё сибиряк»... да разве только в Сибири холодрыжник-то? Вон в Москве, считай, с августа не поймёшь какая погода – то ли осень, то ли уже зима, к нулю идёт. А и снег выпадет – разве удивится кто-нибудь? Да ни в жизнь! Природа такие фортели в последние годы выкидывает – уж привыкли все, никто даже внимания не обращает.

Да – мутанты мы. Потому и живём. Нормальные люди жили совсем ещё недавно – во времена моего детства. Я их даже помню. Другие они были, не такие, как мы. А мы какие-то сумасшедшие. Сами не знаем, чего нам надо. Войны вроде нет. Голода тоже. А мы всем недовольны. Всё не по нам. По телике видим картинки красивые, а мы как малые дети за погремушкой или аборигены из Африки, которые ни хрена в своей жизни кроме родных джунглей не видели. Или ещё вот – чукчи, у которых забирают всё ценное: меха, золото, бриллианты (а впрочем, бриллианты, это, кажется не у них, а в Якутии, ну один хрен!), и за это поят их огненной водой и дают им какие-нибудь безделушки, которые им только в снег выкинуть.

А мы любимся в телике на всякую дрянь, и нам тоже хочется обладать всем этим дерьмом. Помню, как в Штатах меня не оставляло удивление – как же глупо они живут! Огром-

ные по площади супермаркеты забиты таким дешёвым барахлом, а они вкалывают, как проклятые, чтобы забить свои роскошные дома всей этой мишурой до отказа! Приезжают, шопят весь день (а других-то развлечений и в помине нет!), бродят по этим завалам, набивают целые мешки барахлом и тащат домой, где потом это всё у них пылится годами. И это называется счастливая жизнь!

Небось, почти все наши люди тоже хотели бы так жить, от рождения до смерти потреблять, потреблять, пока из ушей не полезло бы! Удивительно, но я тоже поддался на удочку – шлялся в свободное время по этому потребительскому раю, даже вошёл во вкус – мерил, покупал, а что? Всё дёшево, доступно. Но вот так всю жизнь??? Нет, не хочу!

Я много раз видел, как живут те, чьей жизнью я бы жить категорически не хотел. Например, в деревне. Рождаются – и каждый день до глубокой старости одно и то же: огород, скотина, сенокос, хозяйство, щи лаптем хлебать... А всех радостей – посплетничать про Маньку с Танькой, напиться да сериальчик мексиканский посмотреть и потом обсудить с соседкой, чей сын Хосе... Тоска. Удавиться можно.

У меня последнее время наступила в жизни относительная стабильность. Болезнь на время отступила (затишье перед бурей?), из чужого жилья вроде не гнали. Еды мне требовалось довольно мало – аппетит совсем пропал. Потребностей было с гулькин нос, денег не было, но и тратить было не на что... Вот и начали закрадываться разные дурные мыс-

ли. По натуре я был жуткий экстремальщик. Как это совмещалось с трезвостью ума и даже с некоторой трусостью (назовём это осторожностью, ибо в крупные авантюры я ввязываться ох как не любил, а когда попадал – всегда пытался выскочить сухим из воды) – непонятно. Но сколько себя помню – я никогда не прельщался доступным. Мне надо было обязательно погнаться за таким, что сразу было ясно, что ничего не выйдет. И что ж вы думаете? Выходило, ещё как выходило! Только я, получив что-то недоступное, вскоре к этому охладевал... Видимо, интересен был сам процесс добытия какой-то экзотической игрушки, которая, оказавшись в моих руках, превращалась в скучную заурядную не способную развлечь вещь.

Единственное, что останавливало – полное отсутствие денежных знаков и надвигающаяся зима. Здесь на юге она обычно была довольно мягкой, но вот в прошлом году вдруг такое началось! Зима не приходила до конца января – разве это зима, когда 10—14 градусов тепла, греет солнце и цветут розы? Но в конце января сразу, без перехода грянули тридцатиградусные морозы, замёрзло море, что бывает раз в двадцать или больше лет, и удивительно, что не вымерзли фруктовые деревья! Наверное, на Земле не только люди мутировали, но и вообще всё живое... Жить захочется – пойдёшь на всё, думать долго не будешь, великий инстинкт выживания, наверное, есть даже у бабочек-цветочков...

Что надо с нами сделать, чтобы жизнь прекратилась?

И вообще – интересно, кто же это экспериментатор такой гаденький, опыты всякие, что ли, он над человечеством ставит? Ну сволочь!!! И ведь не дотянуться до него, не побить ему его поганую рожу! Небось, ржёт, как конь, когда видит, как падают на колени эти идиоты и идиотки и гнусавят ему благодарность за великую его доброту!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.